

Юлия Титова

Большой
сборник
рассказов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Титова

Большой сборник рассказов

<https://litres.ru/74120499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга, которая лежит перед вами, дорогие читатели, охватывает множество жизней и судеб. Да, здесь я пишу о себе, про себя и о нескольких десятках других людей, живущих ярко и увлекательно.

Сюда включены сны и реальные истории, страсти-мордасти и любовь-морковь, навеянное морем и звездами.

В разделе «Пороки в лицах» вы, вместе с героями, нырнете на дно человеческих пороков.

«Опыт – это?» накидает вопросов, ответы на которые будете искать вы сами.

«Случаи из жизней» убедят, что ваша жизнь прекрасна и безоблачна.

«Армейские зарисовки морпеха «Москва» не пройдут незамеченными даже у неслуживших.

«Похождения кузена» не дадут скучать вечерами и заставят воскликнуть: «Какая интересная у людей жизнь!»

Содержание

БОЛЬШОЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ	4
Обо мне	10
Сны	13
Звездная девочка	68
Зоя и Валя	74
Морские истории	85
Что такое опыт? Это - ...	92
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Юлия Титова

Большой сборник рассказов

БОЛЬШОЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ

Оглавление

Обо мне

Введение

Сны

Элия

Остров «Вечной жизни»

Замкнутый круг

Призрачный Институт Хогвартс

Шаман-сон

Сон?

Как я умерла

Все в сборе

Случайно

Домой пойду

Дед

Звездная девочка

Зоя и Валя

Четырнадцатая Вселенная

За кого ты меня принимаешь?!

Кисель головного мозга

Дело было в понедельник

Прекрасный день воскресный!

Три девицы под окном

Морские истории

Озарение

Встреча

Двое

Партнеры

Что такое опыт? Это - ...

Пороки в лицах

Адская топка

Белая ворона

Воспитание средой

Исповедь

Плюющиеся ядом

Свекрови посвящается или что нам делать сегодня с такой любовью?

Шальная императрица

Призрак близости

Случаи из жизней

Этика, Мораль и брат их Подлость
Любовь и гнев, добро и зло
Что такое Дружба? Это – Честность
Духовное развитие психотерапевта в психотерапии
Дом, который построил Бог
О хрюшке, которая стала свининой
Трое в лодке
Печальная история
Справедливый лес
А того ли я хочу?!

Когда тебя душит память или счастье вопреки
Когда поддержка мнимая
Когда тебя не слышат
Когда ты ничего не стоишь
Когда я – привидение
Я люблю тебя, Я!

Инструкция по взаимодействию с Чудом
Надежда. Убивающая или возрождающая?
Оставь надежду всяк сюда входящий
Осторожно, шарлатан!

Подводные камни сильных сторон
Когда пространство сопротивляется
Женская сила
Чем выложена дорога в ад?
Ярость-ясность
Тамас, Раджас и Саттва

Ненаучность жизни

Я - психолог. Я - психолог? Я - психолог!

Кривая дорожка борьбы мотивов

Тысяча дорог

Расслабиться, чтобы жить

Внутренний голос

Счастье Жертвы

Заглянуть в Жертву

На острие капли дождя

Болезнь. Страшно или полезно?

Лицом к лицу лица не увидеть

Глисты и внутренний конфликт

Дом - полная чаша! Чаша чего?

Двойные стандарты или Справедливость! Мы же договаривались!

Король умер! Да здравствует король!

Мнение

Простые люди

Женщина, несущая смерть

Стоит ли говну знать о том, что оно говно?

Битва Духа

Дар, инструмент или тяжкое испытание

Многовариативность

Ассоциации или живое и неживое

Раскрытие сердца

Мысли с приграничной территории. Пространство сна

Мысли из Буддийского монастыря. Карма и свобода выбора

Холодинамика или к слову о внутреннем диалоге от Д.Т.

Этапы Мастера

Невидимые (наблюдение)

Вопрос границ» (размышление)

Холодинамика и агрессия (невысказанная мысль)

Пикник на обочине уходящего лета

Уважение желаний

Время жить, время умирать

Армейские зарисовки морпеха «Москва»

Похождения кузена

Понемногу

Встретимся на пороге Вечности

Таксистка

Жили-были два злодея!

Полевой роман

В кошельке 500 рублей, до зарплаты две недели

Моя прелесть!

Послушай мой совет

Дружба крепкая не сломается...

Макароны по-флотски только для моряков?

Машина времени

Прочь! В отпуск!

Мои идеальные выходные

Стой! СТРЕЛЯТЬ БУДУ! Жизнь или творчество?

ИЛИ

Где я беру время на творчество?

Лаборатория абсолютных неожиданностей

Если бы у меня был атомный ледокол, то я назвала бы его

«Муза»

Всему свое время

Если бы «если» стало «бы»...

Первые шестеро детей приходят неожиданно...

Как же я читаю?

Зачитана до дыр или Когда я родом из любимой книги

Тараканище

О вреде открытых окон после развода

Как Сережа-Колобок чуть бабушек не съел

Что такое утро? Это счастье!

«Хто я?» или «А в Достоевском меня значительно больше!»

А что если написать о себе семью словами?)))

Контактная информация

Обо мне

*Лицемерие - входит в разряд качеств,
с обладателями которыми я предпочитаю
не водить дружбу...*

Мой подход работе по многим статьям нестандартный. Время моих сессий соблюдается нестрогое, приемы веду не в специальном кабинете, даже дом строим с мужем с возможностью проведения там тренингов, дистанцию держу скорее семейную, чем формальную, подходы использую мультиинструментальные. Но я знаю точно, что то, что я могу дать - уникально. Это не ширпотреб и никогда им не станет. Это качественный, испытанный и отточенный годами продукт.

Мне часто советовали что-то типа: «Ты знаешь, в жарких странах очень выгодно продавать холодильники! Лучше бы тебе продавать холодильники! Начни, и люди побегут к тебе толпой!»

Но мне не интересны холодильники и толпы, за ними бегающие. Мне интересны ищущие и находящие во мне то, что долго и безуспешно искали у других, то, что смогло им помочь измениться и стать счастливее и гармоничнее.

Поэтому меня не интересует толпа, тысячи взглядов и экзотические восторги. Мне важен человек, каждый в отдель-

ности. Мне важно не мимопроходящее, мелькомвзглянувшее количество, не охи и ахи, а качество наших отношений. Качество контакта в этих отношениях. Пусть это будет не 100 тысяч, а сто человек, но каждого я хочу знать в лицо, видеть и чувствовать, в каждом участвовать и быть рядом на их непростом пути собственного развития, видеть их заинтересованность в нашем теперь уже общем процессе.

Может быть, мое видение ситуации кого-то из людей задевает или оскорбляет, но оно не имеет такой цели. Просто оно им не подходит. И добро пожаловать те, кому оно откликнулось и подошло!

С любовью Юлия Титова!

Введение

Книга, которая лежит перед вами, дорогие читатели, охватывает множество жизней и судеб. Да, здесь я пишу о себе, про себя и о нескольких десятках других людей, живущих ярко и увлекательно.

Сюда включены сны и реальные истории, страсти-мордасти и любовь-морковь, навеянное морем и звездами.

В разделе «Пороки в лицах» вы, вместе с героями, нырнете на дно человеческих пороков.

«Опыт – это?» накидает вопросов, ответы на которые будете искать вы сами.

«Случаи из жизней» убедят, что ваша жизнь прекрасна и безоблачна.

«Армейские зарисовки морпеха «Москва» не пройдут незамеченными даже у неслуживших.

«Похождения кузена» не дадут скучать вечерами и заставят воскликнуть: «Какая интересная у людей жизнь!»

Сны

Разные бывают сны, правда? Некоторые похожи обрывки песни, а есть такие, что не хуже полнометражного художественного фильма. Вторые я стараюсь записать сразу после пробуждения, пока они не выветрились.

Налет мистики, непредсказуемость, глубокие переживания рождают вопросы, ответы на которые каждый найдет в себе.

Элия

Стояла тихая сумеречная погода, сухая, пустая, полусонная, порой ветреная. Межсезонье. Деревья уже почти облетели, ветер порывисто гонялся по улицам в поисках чего-то более тяжёлого, чем остатки сухой листвы и украденного из помоек мусора. Песчаные дороги подбрасывали ему горсти жёлтой пыли, и те клубились маленькими завихрениями прочь из городка. Остатки осеннего солнца были плотно затянуты скучно-серыми жадными тучами, не обещающими земле ни капли воды. Деревянные строения, стоящие вдоль улицы, производили впечатление заброшенных и унылых. Покосившиеся ставни, давно не крашеные стены и окна, потемневшие угловатые крыши, плотно запертые двери – всё это не лучилось гостеприимством и доброжелательностью.

В тот день на улице стояла мёртвая тишина. В одном из

обветшалых домов в самом центре городка, в тёмной гостиной без какого бы то ни было освещения, молча склонив голову на грудь, сидела девушка лет восемнадцати. Звали её Элия Мура. Сколько прошло времени с того момента, как она с тихим вздохом устало села в обшарпанное кресло, и как долго оставалась в забытии поглотивших её дум, нам не известно. Потеря её была велика. Умер отец. Всё-таки умер... Он долго болел, и надежды на выздоровление, как и денег на лечение, не было никакой, но она всё же надеялась до последнего. Она сама ухаживала за отцом, помогая ему держаться из последних сил за ускользающую жизнь, она жила ради него и, конечно, сделала всё, что позволяли её невеликие возможности. Но перед лицом наступающей смерти и её любовь, и все усилия были тщетны. Она в одиночку боролась и в одиночку встретилась с неизбежным. И тогда силы оставили её... Нет больше того, ради кого она держалась и крепилась телом и духом. Пустота и мрак внутри, мысли о будущем тяжеловесны и пугающи. А впереди ещё похороны, на которые после долгой болезни отца средств не осталось совсем.

Из родственников почти никого. Мать умерла, когда Элии было около двух лет, сразу после неудачных родов младшего брата, прожившего лишь несколько дней, а старшая на семь лет сестра, Эльза, давно покинула захолустный городок и нищую семью в поисках удачи и богатства. Много лет от неё не было ни весточки, никто не знал, как сложилась её судьба,

да и жива ли она.

Однако мир не без добрых людей. Такие же небогатые, но сердобольные соседи пытаются, пусть не деньгами, но хоть словом и делом, поддержать впавшую в тоску и апатию Элию. Ни принесённой еды, ни питья не видит она сейчас, горько у неё на сердце, и горечь эта чудится ей и в пище, и в воде. Только услышала совет, который замерцал, забрезжил, упал лучиком надежды в её измученную душу. Волею судеб в городке оказался известный еврей-похоронщик – настолько богатый и эксцентричный, что мог взяться за работу без платы. Это значит, что у отца Элии появился шанс быть похороненным достойно, по-человечески, а не быть брошенным в безымянную яму на окраине городского кладбища, где находили последний приют нищие, бездомные и случайные заезжие, надумавшие скончаться здесь, в этом Богом забытом месте, скоропостижно и неприкаянно.

Остаётся только найти его, своего потенциального спасителя, и уповать на его милость. Городок небольшой, мест, где состоятельный человек может найти пристанище, немного, но этот человек слывёт чудаком. А потому поиск может усложниться. А время не терпит. Тело отца лежит в соседней комнате и, несмотря на прохладную и сухую погоду, уже начинает издавать аромат тлена, стремящийся расплзтись по всему дому. Надо поторопиться.

Мысли Элии стали сбивчивы и суетливы. «Куда направиться? С чего начать? Как поднести свою необычную прось-

бу? Сможет ли моя ситуация заинтересовать такого известного человека? А вдруг он откажет? Или запросит большую плату? А что если слухи о чудаковатом еврее-похоронщике – это всего лишь слухи? Прочь! Прочь, лихие мысли! Прочь, сомнения и страхи! Всё самое страшное уже случилось со мной, мне ли теперь бояться и отступать?! Пойду в гостиницу, там что-нибудь знают наверняка, хотя бы подскажут, где его искать».

Гостиница в этом маленьком городке была одна, но в ней почти никогда не было постояльцев. А уж заезжий богач и подавно обошёл бы её стороной. Но надо было с чего-то начинать. Элия собралась с силами и отправилась на поиски. Весь вечер блуждала она по городу, расспрашивая о похоронщике, но он будто сквозь землю провалился. Все знали, что он находится в городе, но никто не мог точно сказать, где он остановился. Ни в гостинице, ни в питейных заведениях, ни на базаре, ни даже в полицейском участке не смогли ей дать вразумительного ответа. Отчаявшись, брела Элия в сторону дома. Заплаканное лицо обдувал ветер, распущенные волосы тяжело лежали на худеньких плечах, покрытые пылью и горем. Элия продрогла, ей страшно хотелось есть. Она словно очнулась от своей отрешённости, лишавшей её сна, жажды и чувства голода. Сейчас что-то внутри взбунто-

валось в ней, и теперь она готова была бороться дальше, но уже не за жизнь и здоровье отца, а за себя, за свою собственную жизнь.

За несколько домов до её жилища девушка вдруг остановилась. Медленно подняла заплаканные глаза в сторону соседского дома. На крыльце стояли двое мужчин. Одного из них она хорошо знала, точнее, помнила, что он когда-то, много лет назад, дружил с её отцом. У соседа, такого же вдовца, как и их отец, был сын, Ролан Эбора, ровесник старшей сестры Элии. Ролану и Эльзе тогда было около одиннадцати, и они были, что говорится, «не разлей вода». Часто случалось, что эта сумасбродная парочка скрывалась из дому, убегая за пределы города, в степь, прихватывая иногда с собой малышку Элию. Ей было весело со старшей сестрой и её другом, рядом с ними маленькая девочка чувствовала себя безопасно и комфортно, ведь Эльза была ей как мать. Малышка играла со своей куклой, а дружная парочка о чём-то болтала, иногда весело, иногда очень серьёзно. А бывало, они вовсе переходили на шёпот, садились рядышком, и Ролан, держа Эльзу за руку, что-то рассказывал ей на ушко, пока та не вскрикивала, отпрянув, и не отталкивала друга с притворным возмущением.

Элии было около шести лет, когда Ролан пропал из жизни её старшей сестры. Она была слишком мала, чтобы знать подробности, и только видела, как все ночи напролёт плакала в своей постели Эльза. Никто из взрослых не говорил на эту

тому, над именем Ролана повисло тяжёлое бремя тайны. Однажды, незадолго до его пропажи, зайдя в кухню в неурочный час, девочка обнаружила отца и соседа, разговаривающих на повышенных тонах, чего до этого не случалось никогда. Друзья громко спорили о чём-то, тон отца был обвиняющим, а соседа – гневным. Увидев Элию, оба замолчали, затем сосед молча вышел, громко хлопнув дверью. Больше он никогда не появлялся в их доме, дружба двух мужчин оборвалась так же неожиданно, как вскоре исчез Ролан. В доме Элии, прежде живом и радостном, поселилась грусть и тишина. Эльза долгое время не покидала свою комнату, отказывалась от еды и разговоров, а вскоре уехала из дому, не оставив после себя даже записки. С тех пор Элия, не обращая внимания на свои страдания, решила посвятить свою жизнь отцу. Она хоть и была мала, но очень искренне верила. Зная лишь коротенькую молитву, которой её научила сестра, девочка засыпала и просыпала с ней на устах. Широко было её сердце. Она молилась за отца, выглядевшего скорбящим в последние дни, за милую сестру, пропавшую бесследно за своим другом, за всех тех, кто страдал и бедствовал.

Сильно изменилась после этого происшествия и жизнь соседа. Он стал замкнутым, перестал выходить из дому, прекратил общаться почти со всеми прежними друзьями, но изредка стали появляться в его доме странные, загадочные личности, о которых в городке и поговаривать-то остерегались.

И вот теперь, после стольких лет, она снова увидела соседа, стоящего на крыльце и глядящего пристально в её сторону. Элия сердцем почувствовала, что тот, кого она ищет, и тот, кто стоит сейчас рядом с отцом Ролана, один и тот же человек. Сразу на душе стало как-то легко, отступили сомнения и страхи, Элия почувствовала, как спокойствие заполняет её душу, и вздох облегчения вырвался из груди. Не надо было ни о чём беспокоиться, ничего объяснять и кого-то уговаривать. Казалось, он всё знал, он был здесь именно поэтому. Он ждал её появления.

Похоронщик Эзра был незаурядной личностью, молва приписывала ему множество способностей и качеств, не присущих обычному человеку, жизнь и деятельность его обрастала слухами и легендами. В ком-то он вызывал восхищение, в ком-то страх, но непременно вызывал. Это могло быть любое чувство, что угодно – только не равнодушие. На Элию этот человек произвёл большое впечатление. Она подошла к крыльцу соседского дома и остановилась перед лестницей. Девушка стояла перед ним такая открытая и опустошённая, доверчивая и робкая. Знаменитый еврей был небольшого роста, худощавый, даже шупловатый, но ощущение от него исходило, как от большого человека или даже великого. С чёрными, как смоль, волосами и глазами навывкате, со жгучим пронизывающим взглядом, тяжёловатым и магическим, Эзра прищипливал собеседника к месту, лишая возможности лгать. Большое чёрное пятно, то ли родимое, то ли какой-то

кожный дефект, на бледной впалой щеке добавляло эффективности его лицу.

Он молча выслушал её просьбу, смотря на Элию пристально и в упор. Что-то недолго прикидывал про себя, как бы взвешивая все «за» и «против» и... согласился. Правда, какие-то условия всё же были, девушка должна была неукоснительно выполнять его приказания и распоряжения. И первым из них было пойти домой, отдохнуть и ни о чём не думать. Утром он обещал явиться и сделать всё необходимое.

Утро было серым, лохматым и ветреным. Казалось, погода бунтует против самой себя. Резкие порывы ветра сменялись минутами абсолютного штиля, и тем мощнее были следующие взвихрения неуступчивого шквала. Атмосфера накалялась и становилась всё более гнетущей как на улице, так и в доме Элии. Это был действительно большой многокомнатный двухэтажный дом; построенный много десятков лет назад из тёмного тяжёлого дерева, он был рассчитан на большое количество жильцов, но при отсутствии оных казался теперь ещё более глухим, мрачным и зловещим. Освещения в нём почти не было, дом будто стремился соответствовать череде событий, происходящих в нём последние несколько десятилетий, да и своему времени, которое было таким беспросветным и беспощадным.

Элия проснулась рано. За окном было ещё совсем темно, но она не могла больше спать. Предчувствие чего-то важного не покидало её с самого вечера, хотя в сон она провалилась,

как в омут, и проспала кряду несколько долгих часов, свободная от разрывающих душу стенаний и хлопот за отцом, мучившегося болями последние месяцы жизни. Лёжа в постели, она вспоминала события последних лет. Бегство Эльзы, болезнь отца, его медленное, но неумолимое угасание, необходимость быстрого взросления, свои размышления о жизни, любви, справедливости, судьбе, Боге...

Стук в дверь вырвал её из видений прошлого. Это пришли старухи-соседки, ещё более бедные, чем семейство Мура, но пытающиеся хоть добрым словом позаботиться об Элии, переживающей такую потерю. Узнав, какого гостя она ожидает, они резко замолчали. В глазах их читались страх и осуждение. Однако уйти никто не решился.

В восемь утра явился Эзра. Его магнетизм нисколько не пострадал от времени суток, и Элия, снова попав под влияние его взгляда, готова была на всё, что бы он ни приказал. Её состояние напоминало эйфорию влюблённости, преданности. Девушка, словно загипнотизированная, слушала тихую речь похоронщика, ловила каждое его слово, всё больше погружаясь в состояние умиротворения и спокойствия. Он приказал положить тело отца на первом этаже, в комнате Элии, и велел всем убраться, чтобы вернуться в восемь часов вечера.

Элия явилась первая, ровно в восемь, как приказал Эзра. Отец, отданный на «обработку», преобразился до неузнаваемости. В жизни он был совсем неплотного сложения, невысокого росточка, седой. Последние же месяцы, за время болезни, тело его практически высохло, пожелтело и сморщилось. Теперь же кожа его побелела, морщины разгладились, он получился словно живой, но спящий и бледный. Девушка глядела на него, и по её щекам текли слёзы. «Милый, милый папа... Как же мне будет не хватать тебя! Только с тобой я чувствовала себя защищённой и любимой. Ты придавал мне уверенности в завтрашнем дне, даже когда дела наши были совсем плохи. Ты всегда умел поддержать и вселить надежду. Ты научил меня с юмором относиться к перипетиям судьбы и смело глядеть в лицо неизбежного. И вот теперь я прощаюсь с тобой...»

Размышления Элии прервал Эзра. Мастер-еврей в её присутствии должен был произвести заключительные приёмы, которые должны были что-то показать. Он нажал на подвздошные кости трупа, и отец зашевелился. От увиденного Элия вздрогнула, сделала шаг назад и оторопела. Бледность залила её лицо, зрачки расширились, дыхание замерло, руки потянулись к горлу и, казалось, попытались сдержать сдавленный крик. Эзра невозмутимо продолжил. Он снова нажал на подвздошные кости и что-то там покрутил. Отец потянул руку к правому глазу, словно хотел его потереть. Сердце в

груди Элии громко ухнуло и остановилось. Она испытывала сейчас смесь ужаса и благоговения. В голове всё смешалось. Мысли после короткого затишья хлынули бурной рекой, но Элия была словно парализована и не могла пошевелить даже кончиком пальца.

– Смотри и слушай! – сказал Эзра. – Сейчас я сделаю заключительное движение.

Он ещё раз нажал на кости отца, и тот, как бы завершая предыдущее движение, потёр глаз, из которого в тот же миг потекла слеза. Дальше произошло нечто, о чём впоследствии Элия будет вспоминать с сомнением в ясности собственного разума. Отец открыл глаза и покачал головой, в горле его клокотало, он пытался выдавить из непослушного тела какие-то звуки. Было видно, что давалось ему это ценой невероятных усилий. После этого еврей сказал, что больше ждать нельзя, а то может произойти непоправимое. Элия рухнула на колени, рыдания душили её, она с мольбой смотрела на Эзру в ожидании его объяснения. Но он молчал. Тогда она с криком подбежала к отцу и уже почти схватила его за руки, когда Эзра резким жестом прервал её движение.

– Не сходи с места! Иначе я ничем не смогу помочь! Ни тебе, ни ему!

Элия остановилась, как вкопанная, и снова упала на колени. Тем временем отец продолжал попытки что-то сказать дочери. Она уставилась на него немигающим взором, бессильная как-либо помочь, и сложила руки в молитвенном

жесте, бесшумно бормоча молитву.

– Брось свои глупости, не теряй время и слушай его! – казалось, Эзра не кричал, а грохотал над ней. – Сейчас тебе придётся сделать выбор! Ты можешь спасти его! Ты можешь избавить его от мучений! Сейчас или никогда! Решай сию минуту, у нас больше нет времени!

– Но как? Что я должна сделать? – Элия недоумённо смотрела на Эзру.

– Ты можешь отдать свою жизнь ему, – уже тихим голосом сказал мастер-еврей, – и получить взамен его смерть.

– Но... разве это возможно?

– У тебя есть три минуты, чтобы дать ответ, – голос Эзры звучал спокойно, но жёстко, после услышанного у Элии появился металлический привкус во рту, – на вопросы времени нет. И он повернулся, чтобы оставить её наедине со своими мыслями. Но едва Эзра отвернулся, девушка заговорила.

– Я согласна, – ни тени сомнения не возникало больше у неё, – если я могу вернуть жизнь тому, кого люблю больше всех на свете, то я сделаю это! Чем бы ни пришлось мне для этого пожертвовать! – в голосе Элии звучали вызов и страсть. Знаменитый похоронщик не отводил взгляда от её бледного возбуждённого лица. Казалось, он читал её мысли, видел порывы души, обонял чувства. Взгляд его выражал удовлетворение и одобрение.

– Хорошо! – резко сказал он, как бы нехотя отрывая взгляд от пылкого создания. – Тогда ещё одна формальность.

Он,— Эзра направил указательный палец в сторону мертвеца,— он должен согласиться на этот обмен.

В течение всего этого разговора отец Элии корчился в бесплодных попытках заговорить. Лицо его было искажено страданием и болью. В груди kloкотали чувства и слова, поделиться которыми ему до сих пор не удавалось. Но вот случилось чудо. Как по мановению волшебной палочки, слова заструились из мёртвого горла.

— Неет...— звук был сильным и не похожим на голос мужчины при жизни, но слова звучали чётко и понятно,— нет... живи ты...— голова продолжала раскачиваться из стороны в сторону в знак протеста, но больше он ничего не сказал.

— Да будет так! — воскликнул Эзра. — Три минуты истекли,— лёгкое выражение досады и, одновременно, одобрения мелькнуло на лице этого влиятельного человека, но уже в следующую секунду оно не выражало ничего, кроме величия и спокойствия.

В тот же миг тело отца Элии снова стало неподвижным, холодным и окоченевшим, ничем не напоминающим о только что происшедшем. Тело девушки немногим отличалось: в беспамятстве лежала она на полу возле гроба отца, бледная, ослабевшая, холодная. Только дыхание чуть теплилось из её полураскрытых губ. Эзра заботливо перенёс несчастную на мягкое глубокое кресло и ловким движением откупорил какую-то склянку, чтобы поднести её к носу бедняжки. Элия пришла в себя мгновенно. Туманные воспомина-

ния больше напоминали ночные кошмары или горячечный бред. Она мельком посмотрела на тело покойного отца, а затем вопросительно взглянула на Эзру. Он молча кивнул. В комнате повисла тишина.

Вскоре начали приходить соседки – старухи, которые сразу же обступили с воплями и плачем гроб отца. Пришёл и сосед, отец Ролана, в прошлом близкий друг отца Элии. Он вёл себя странно, вошёл в дом развязно, держался навеселе, но улыбка застыла на лице и приняла глуповатый вид, когда взгляд коснулся Элии. Как будто он не ожидал её увидеть... Или предвкушал увидеть кого-то другого. С того момента сосед стал жаться по углам, то и дело отходил в сторонку, желая уйти, но почему-то не смея покинуть этот дом. Смотрел он всё больше в пол, но иногда осмеливался поднимать глаза то на Элию – с удивлением и сожалением, то на Эзру – со страхом и пристыженностью. Для девушки такое поведение взрослого мужчины было загадочным, а вот для Эзры, похоже, тут тайны никакой не было. Его взгляд в отношении отца Ролана всегда оставался строгим и укоризненным. В какой-то момент сосед подошёл к телу бывшего друга и попробовал, было, прикоснуться к нему, постаравшись сделать это незаметно, но Элия увидела попытку и заволновалась, не зная, как отвадить ретивого гостя от отца. Тут же подошёл еврей и сделал это, строго выговорив нарушителю.

Вопрос крутился на языке, но она не решалась задать его своему магнетическому повелителю. Он, однако, прочёл

этот вопрос в её глазах и, отведя в сторону, поведал давнюю историю знакомства с соседом, бывшим другом её отца.

Дело происходило более десяти лет назад. Эзра гостил тогда в соседнем городе у своих давних приятелей. Он уже прославился в определённых кругах как личность, окутанная тайной. Кто-то считал его колдуном, кто-то учёным, но определённо человеком, открывшим эликсир бессмертия. Но уж что точно являлось большой для всех загадкой, так это возраст Эзры. По самым приблизительным подсчётам, исходя из тех историй о нём, которые возникали в разных частях географии в разные времена, его деятельность насчитывала более семидесяти лет, но более точных цифр никто бы не смог сказать наверняка. Так вот, были у Эзры и поклонники-почитатели, были и злословы, но его мало трогали и те, и другие. Он жил одиноко, на широкую ногу, много путешествовал и никогда не афишировал себя и свою деятельность. Порой объявлялся тут и там, кому-то помогал, кому-то отказывал, никогда не называя свой истинный интерес к делам, за которые брался. В один из дней явился к нему молодой мужчина и попросил выслушать его просьбу.

– У тебя кто-то умер? – спросил его Эзра.

– Нет... Пока нет, – ответил мужчина.

– Так зачем ты пришёл? – Эзра сурово посмотрел на просящего, и тот сжался под его взглядом, ощущая пронзительность чёрных глаз как резкую колкую болезненность в области лба и сердца. Он понял, что этот человек видит насквозь

его самого и просьбу, с которой он собирался обратиться.

– Ты знаешь цену?

Мужчина ещё больше сжался под тяжестью вопросов.

– Да, я знаю цену... Это жизнь самого любимого человека, – морщась от своих слов, произнёс он.

– И ты готов к такой жертве? Хорошо, ожидай меня в ближайшее время, – не дожидаясь ответа, сказал Эзра, развернулся на каблуках и зашёл в дом, давая понять, что разговор окончен.

Этот мужчина был сосед Элии, отец Ролана. Долгое время его мучили сильные головные боли, и недавно он узнал, что жить ему осталось несколько месяцев. Ему посоветовали готовиться к смерти и готовить свою семью к этому событию или разыскать еврея-похоронщика, известного как Эзра. Если тот возьмётся, то, возможно, жизнь удастся сохранить. Поговаривали, правда, что это может стоить жизни кому-то из близких умирающего. «Но стоит ли придавать значение сплетням, когда твоя жизнь висит на волоске?», – подумал тогда Эбора-старший. По стечению обстоятельств знаменитый маг находился поблизости, и умирающий мужчина бросился к нему.

Вернувшись домой после разговора с Эзрой, он направился к другу, отцу Элии, чтобы поделиться с ним новостью. Но вместо поддержки друг начал убеждать его отказаться от этой безумной фантазии, ведь ценой её воплощения может стать жизнь сына.

– Неужели ты способен забрать жизнь у своего ребёнка, чтобы избавиться от смертельной болезни?! – возмущался отец Элии. – Даже не стать бессмертным, а всего лишь продлить свою жизнь на несколько лет! Да и ради своего собственного бессмертия не стал бы я делать этого! Ведь после такой жертвы жизнь эта станет жалкой и никчёмной. Одумайся, друг, прошу тебя!

– Тебе легко говорить, – отвечал Эбора-старший, – ты жив и здоров, и тебе на протяжении многих лет ничего не предвещает смерти, а я уже слышу её дыхание в мой затылок, вот-вот она похлопает меня по плечу! Это чудовищно, как ты не понимаешь?

– Чудовищно то, что ты собираешься сделать с сыном! Ничто на свете не сможет оправдать твой поступок! – сказал отец Элии. Голос его звучал осуждающе и печально.

– Я уверен, что будь ты на смертном одре, то заговорил бы по-другому! – воскликнул Эбора-старший с последней надеждой.

– Нет, ничто не заставило бы меня лишиться жизни моего ребёнка. Подумай крепко, прежде чем совершить такую чудовищную ошибку, прошу тебя, друг мой!

– Время нас рассудит, – Эбора-старший говорил с надрывом, нотки обиды и непонимания превратились в гневные выкрики, – время и жизнь!

Примерно в то время маленькая Элия и застала друзей в день, когда они перестали быть друзьями. А вскоре исчез

и друг её любимой сестры, Ролан. Теперь Элия понимала, что произошло с мальчиком. Отец сменял свою смерть на его жизнь, а сын не отказал отцу в его требовании. Слухи об этой страшной истории как-то всё же просочились, и Эльза, несчастная сестра Элии, не смогла вынести такого чудовищного известия. Она сбежала подальше от того места, где живёт теперь не своей жизнью отец того, кого она так беззаветно любила.

Стало понятно и в чём причина такого странного поведения соседа на похоронах её отца. Он знал, на что способен Эзра, и ожидал увидеть старого друга, совершившего такой же выбор, как и он сам много лет назад. Он был готов бросить в лицо тому, кто тогда осудил его: «Ну что? Вот видишь? Я же говорил, что по-другому невозможно!» Эбора-старший нисколько не сомневался, что пред лицом смерти любой человек готов отдать самое дорогое, пожертвовать чем или кем угодно, только бы сохранить свою жизнь. Но он просчитался...

По распоряжению Эзры эту ночь отец должен был провести в комнате Элии, и она, похоже, должна оставаться с ним. Это её смущало и немного пугало, но она молча согласилась, помня о данном обещании выполнять беспрекословно все приказа похоронщика.

Позже, когда все гости разошлись и дом опустел, девушка поднялась с евреем на второй этаж, где он выбрал себе комнату для ночлега. Выбирал сам, прохаживаясь по коридору

уверенно, словно не раз бывал здесь. Ни Эзра, ни Элия за вечер не проронили ни слова друг другу, так же молча она оставила его на пороге выбранной комнаты и поспешила к телу отца, где ей предстояло провести ближайшую ночь.

Сна не было ни в одном глазу, и девушка сидела на жёстком стуле возле гроба и всматривалась в бледное лицо отца. «А может, мне всё это просто привиделось? – думала она. – Да, скорее всего, так и было, моё уставшее за последние месяцы сознание сыграло со мной злую шутку, надо выбросить эти видения из головы. Жизнь продолжается, и рано или поздно мы с отцом встретимся».

И снова в её мысли вторгся Эзра:

– Поднимись ко мне, – приказал он. – Голос звучал в голове Элии, но так ясно, как будто еврей находился рядом. – Поднимись немедленно.

Девушка поспешила.

Уже через несколько минут состоялся разговор. Где-то на втором этаже, в другом крыле дома, в почти неосвещённой комнате, собрались трое: Эзра, Элия и... её вторая половинка – юная девушка, но не сестра, и даже совсем не похожая на неё! Но Элия была абсолютно уверена, что по причинам, ей неизвестным, она как бы разделилась надвое. Новая гостья выглядела очень эффектно: идеальная осанка, уверенность, манеры, жесты, речь – всё в ней казалось совершенным. Когда Элия вошла в комнату – в скромном тёмном платье, без косметики, с поникшей головой и опущенным скромным

взглядом,— та стояла позади Эзры, с длинными завитыми волосами, ярко покрашенная, в обтягивающем чёрном одеянии. В её глазах Элия прочла интерес к себе и какое-то ожидание и надежду.

Разговор пошёл о том, чтобы вступить в отношения с евреем, остаться с ним в роли его спутницы до конца дней. Это не было платой за его услуги, нет. Позаботился об отце Элии он бескорыстно, как и обещал. Но Элия оказалась для него находкой. Той, которую он искал всю свою жизнь, а, по всей видимости, длина её выходила за рамки возможных представлений обычного человека. Чистота Элии, её внутренний свет, бескорыстная душа, незамутнённый ум и огромный потенциал, невидимый пока обычным глазом, вдохновили его на небывалые доселе решения и перспективы. Но реализовать он их мог теперь только с её помощью, с её добровольной и чистосердечной поддержкой. Поэтому тут он не мог приказывать, эта новая всплывшая деталь событийной ленты приказывала ему. И он подчинился.

Эзра беседовал с ними двумя, ведь, обладая магическими способностями и влиянием, он мог делать это с обеими половинками одновременно. Объявившаяся «половинка» Элии была согласна, сама же она сомневалась, сидела и грустно молчала. Еврей сказал, что согласия одной половинки недостаточно, так как при всей привлекательности, он не «видит» её нижнюю половину тела, не физического тела, а как-то иначе. «Половинка» убеждала Элию согласиться, так как

это предложение избавило бы их от многих бед в будущем, да и человек этот был необыкновенного влияния и магнетизма. Они могли у него многому научиться и изменить свою жизнь.

Тут Элия вздрогнула и... проснулась. Она по-прежнему сидела возле тела отца, на жёстком стуле при свете тусклой лампы. В углу комнаты девушка заметила какой-то несмелый блеск. Она поднялась со стула, подошла поближе и увидела, что на столике у кресла лежал, мерцающий в свете лампы, огромный драгоценный камень тёмно-красного цвета. В доме больше никого не было...

Остров «Вечной жизни»

Побег задумывался давно. Каждый из нашей неуклюжей троицы не мог помыслить провести в этом проклятом месте больше полжизни. Самым сложным местом была переправа через реку, эту двухсотметровую громадину, черную и холодную, но мы нашли выход. Длинные пеньковые веревки плелись несколько месяцев, так как материалы приходилось носить тайком и работать только глубокой ночью. Но мы справились.

На нашем острове, кроме заключенных, работало много народу, поэтому паром ездил два раза в день, чтобы привезти рабочих утром и увезти вечером. Для нас, погребенных в этих адских условиях недолюдей, паром представлялся чем-

то вроде лестницы в рай, удостоенных которой могли быть только приближенные к богу счастливички, и таким же недо-стижимым и желанным.

Каждый вечер мы с неизбывной мечтой бросали взгляд на светящиеся буквы «ПАРОМ» по ту сторону громадины-реки. Он всегда был освещен яркими лампами, дешевый ночной бар для работяг и маргиналов был открыт постоянно. Посетители злачного места были немногим счастливее нас, нищие, оборванные, пропахшие дешевым алкоголем, потом и кровью, влачащие жалкое полупьяное существование, но они были свободны, и это отличие делало их полубогами в наших глазах.

Иногда некоторых из нас удостоивали высокого доверия, отправляя на ту сторону в качестве паромщика для работяг. Выбирали самого послушного, преданного тюремщикам пса, стукача и сволочь, зная наверняка, что он вернется, ведь ему некуда больше идти. Мы знали об этой традиции, и в наш план входило внедрить одного из нас на место паромщика любой ценой. И однажды случилось так, что со стукачами стало худо, все как один, вышли из строя, кто в лазарете с тяжелыми травмами, кто бесследно пропал в наших бездушных цехах в жерновах молотилки. Надсмотрщики в бешенстве и недоумении искали виновных, наказывая нещадно всех подряд в надежде выяснить правду, но тщетно. Мы молчали, как глухонемые, принимая наказания без жалоб и недовольств. Вскоре все улеглось, но требовался паромщик,

так как должность эта была неоплачиваемая, и желающих занять ее по доброй воле не находилось.

Поведение нашей троицы было в последнее время образцово-показательным, так как нам приходилось быть втройне осторожными и внимательными, не привлекать внимания тюремщиков, дабы не подвергнуть опасности наш замысел. Видимо потому в паромщики и выбрали меня. Мне стоило нечеловеческих усилий сдержать радость от такого счастливого стечения обстоятельств, и я с каменным лицом, с налетом легкого недовольства согласился с приказом.

Несколько дней надо мной производился особый надзор, следили за каждым моим движением, взглядом, шагом. Я и мои подельники ничем не выдали себя, мы даже перестали общаться на время и вскоре меня оставили в покое. Я методично переправлял народ на обе стороны реки, вид имел незаинтересованный и скучающий, но в душе моей с каждым днем росло безудержное ликование. Веревка была готова, оставалось перевезти ее на тот берег и укрепить на сваях. Но как это сделать? Даже когда никто на тебя не глядел, подобные действия никак не вписывались в обязанности паромщика и вызвали бы множество вопросов и ненужного внимания. Ставить под угрозу наш побег я не имел права.

И вот однажды случай улыбнулся мне. Перевезя работяг на домашнюю сторону, я получил приказ задержаться в ожидании новых заключенных. Их должны были привезти через пару часов, и начальство решило не гонять лишний раз лод-

ку. К тому же мне уже удалось занять репутацию надежного паромщика, послушного и спокойного. Эти два часа мне разрешено было провести в баре. На такую удачу я даже рассчитывать не мог. Сегодня надо было во что бы то ни стало незаметно загрузить веревку на лодку. Когда несколько заключенных несли поклажу, работая грузчиками, я увидел среди них товарища из нашей троицы. Вместе со всеми он нес какие-то ящики и баулы. Укладывая груз на корму лодки, он незаметно подмигнул мне, кивнув на один из мешков, веревка там. Час побега приближался.

Свои два часа я провел не в баре. Нет, я зашел туда, конечно, но лишь выпить воды и осмотреться. Дорога была каждая минута. Спустившись к сваям, я быстрыми ловкими движениями привязал несколько веревок к толстым металлическим основаниям, другие концы укрепил на лодке. Вербки должны были остаться под водой, невидимы постороннему глазу до тех пор, пока мы не решим воспользоваться ими. Дело было сделано, и я вернулся в бар, всячески делая непринужденный вид и демонстрируя тягостное ожидание. Наконец новые заключенные, сопровождаемые конвоем, прибыли, были погружены на лодку и в молчании мы отправились на проклятый остров «Вечной жизни», как его в насмешку называли тюремщики, так как сюда свозили только самых никчемных, осужденных пожизненно, то есть навечно.

Когда ложка опустела, я пошел привязать ее к причальным креплениям. Незаметно отвязать концы дополнитель-

ных веревок, тянувшихся с того берега реки не составило труда. Их я тоже закрепил незаметно под водой. Привязанные несколько грузиков на протяжении нашей предстоящей переправы, надежно убрало ее с поверхности воды. Теперь важно было не медлить, веревка - штука ненадежная, да и всякой нечисти водится в реке навалом, мало ли кому взбредет в голову почесать свои зубы об наш последний шанс на свободную жизнь.

Но и торопиться нельзя. Все должно произойти без суеты, выверен каждый шаг, ибо промах может стоить нам всей жизни.

Побег надо состыковать с грузовым поездом, идущим раз в две недели отсюда на большую землю. Забравшись в него, можно уже будет не беспокоиться, найти среди бесконечно-го количества вагонов с заготовленным лесом практически невозможно. Отправленный эшелон никогда не возвращают, слишком опасны задержки в диких условиях нашей географии. Попасть в него до обнаружения нашей пропажи будет ключом к новой жизни. Мы могли вычислить отправления с точностью до минуты, так как на нашем берегу было отчетливо слышно, как машинист дает сигнал об отправлении. Обычно это случалось в ночи, что нам было чертовски на руку.

Остров охранялся формально. Ведь с него было невозможно убежать. Толща ледяной реки поглотила бы любого, рискнувшего войти в нее в любое время года. Первые десять

метров стали бы последними в его жизни. Лодки же были надежно убраны в ангар под замок до утра. В связи с этим, у нас не вызвало никаких затруднений спуститься к причалу. Дрожь била каждого из нас. Не от холода, нет, хотя мы были почти не одеты. От страха, что наши приготовления могли пострадать за это время и труды пропали бы в ледяной бездне. Но к счастью веревки были целы. Мы натянули их так, что они приподнялись над водой примерно на метр и укрепили на металлических сваях островного причала. Этой высоты должно было хватить, чтобы не окунаться в воду, но требовало неимоверной сноровки, сил и выносливости от каждого из нас. Вережки было три, как и нас, но никто не сможет помочь другому в переправе, если что-то пойдет не так, если кто-то начнет падать или не выдержит напряжения, каждый сам за себя, и все мы хорошо знали об этом. Потому простились друг с другом тут, на берегу, не зная, свидимся ли там.

Начали... Я держался за веревку руками и ногами, если бы мог еще и зубами бы вцепился. Тело мое, сухое и жилистое, казалось тушей слона, тянущей вниз к смерти. Но жажда жизни, той, настоящей, свободной, заставляла меня вспоминать всю возможную цепкость моих предков и держаться за свою веревку, как за соломинку, дарующую спасение. Что я только ни вспомнил за эти пару схчасов переправы! Бабушкину молитву, наказ матери перед последним делом, ее слезы в зале суда. Я видел себя в церкви маленьким маль-

чиком, когда отпевали бабушку, я вспомнил свои мысли тогда, я обещал ей вести благородную достойную жизнь. Как же я ее обманул? Почему не ёкнуло мое сердце, когда начал свой путь по наклонной? Зачем сейчас пришло то воспоминание, далекое во времени и от моей никчемной жизни?

Резкий всплеск и сдавленный стон... минус один...

Слезы брызнули у меня из глаз, еще цепче держусь я за свою соломинку. Кого я оплакивал, не знаю, но на переговоры сейчас нет ни сил, ни возможности, все будет ясно на том берегу. Отправление поезда уже скоро, надо двигаться вперед.

Еще один всплеск... минус два... Теперь я остался один, надолго ли? Силы мои иссякали вместе со слезами. «Даже если мне удастся то, в чем мои товарищи не обрели успеха, и во что уже не верю я, нет, я гоню эти мысли! Гоню прочь, надо сделать все, что возможно, а дальше будь, что будет!» И снова образ меня маленького, и бабушка рядом. Я держу ее за руку, высоко задираю голову, смотрю ей в лицо. Она тоже смотрит на меня, гладит по голове, шепчет тихо: «Я верю в тебя, мой мальчик, я верю в тебя. Из тебя выйдет хороший человек, ты проживешь достойную жизнь». И слова ее эхом пронзают мое сердце, кажется и саму душу, впитываются каждой клеточкой и прорастают. И я ползу из последних сил, душимый рыданиями, слезы срываются порывистым ветром и падают в реку, смешиваясь с ее водами, которые кажутся все ближе и манят своей смертельной холод-

ностью и мощью. Но превозмогая себя, я ползу и шепчу: «Я обещаю бабушка, я клянусь! Клянусь оправдать твое доверие, не подвести тебя! Бабушка, милая, скажи там на Небесах Богу, замолви за меня словечко, передай мое обещание, мой обет! Если я выберусь отсюда, если обрету свободу, вся моя жизнь будет искуплением, посвящением Богу! Вся моя жизнь»...

Силы оставляют меня, руки не выдерживают больше напряжения, картинки в голове смазываются и сцены жизни несутся со скоростью локомотива так, что я не успеваю за ними, да и бессмысленно это уже. «Все кончено! - колоколом звучит в голове, - это конец!»

Я разжимаю окоченевшие пальцы, пытаюсь задержать дыхание, чтобы не захлебнуться сразу в хватающей меня за одежду пучине, и падаю...

Полет мой был недолгим, всплеск, обжигание ледяной воды, удар о воду, затем еще один удар... о землю! Ноги быстро ощутили опору. Я переправился! Я на берегу новой жизни! Я свободен!

Замкнутый круг

Это был долгий путь в неизвестность.

Оставив дом, надежность, стабильность или хотя бы ее видимость, предсказуемость, личные вещи, отправился я в путь. Я точно не знал, для чего это путешествие нужно, но не

пойти я не мог. Леса Индии, высокие, цветущие, скрывали в себе все те уроки и препятствия, с которыми мне предстояло столкнуться, но я о них тогда и не догадывался.

Последняя забегаловка, на которой оканчивалась привычная мне жизнь, исчезла в листве деревьев, и я оказался один на один с природой. Я любил природу, всегда относился к ней бережно и с почтением, и она сейчас, казалось, хотела отплатить мне взаимностью. Несмотря на ее дикость и тающую силу, настроена она была дружелюбно и старалась помочь в моем деле.

Я только и знал, что должен двигаться вперед. И был уверен, что не сойбюсь с пути и узнаю то место, в которое должен прийти. Сколько прошло, несколько дней или несколько недель, я затрудняюсь сказать точно, ибо время здесь бежит с иной скоростью. Тут вообще все происходит по другим законам, а потому и привычные измерители невластны. Итак, прошло время. Я вышел на какой-то затерявшийся в джунглях монастырь, по крайней мере такое было от него ощущение. Зашел внутрь и... оказался женщиной, уборщицей в богатом доме. Жизнь тут казалась сказкой, дел немного, работа не пыльная, требования не высокие. Еда, кров и стабильность. Та самая, которой я лишился, отправившись в путь. Хозяев нет дома, это просто пустой дом. Тишина, комфорт...

Я ушел оттуда, пробыв какое-то время, вспомнив о пути. Дальше были горы. Не очень высокие, хотя бы в том месте,

где шел я, но привычные вещи оставались все дальше и все менее доступны, обратного пути не было. Карабкаясь и срываясь, царапая кожу и обдираясь порой до глубоких ран, я продолжал двигаться вперед. Я был один, но ощущения одиночества не было. Словно за мной кто-то все время присматривал, давал подсказки, держал руку на пульсе что ли. Я по-прежнему знал, что на верном пути. И по-прежнему не знал о цели, но меня это не беспокоило. Леса уже не было, только камни и где-то вдалеке было море.

По берегу, скалистому и неудобному, я шел уже не один. Я не видел, кто впереди меня, но чувство семьи или родственности не покидало. Иногда даже вел ребенка за руку, помогая пройти особо трудные места. Бревна, скользкие камни, хищные рыбы постоянно тормозили путь, кидаясь под ноги и заставляя подпрыгивать, переступать, быть предельно внимательным и за себя и за ребенка. Но спокойствие, какое-то несвойственное и непонятное при таких обстоятельствах, неизменно присутствовало.

Дальше чувствую себя собой. Башня, строение из старого камня, давнишнее, можно сказать древнее, и мне надо попасть на верхний этаж. Там меня ждут, точнее нас, но я уже совсем не вижу, с кем я иду. Но это не важно, он или они впереди и уже зашли в комнату. У меня в руках книга о Саи Бабе. Или не у меня, но моя. Она брошена (мною или не мною) на табуретку у дверей, в которую мне предстоит войти. Я решаю взять ее все же. Я понимаю, что мы идем к Свамиджи,

но книгу хочу взять с собой.

Комната полутемная, синеватые тени всюду, аквариум что ли какой-то стоит, дополнительно освещая пространство. На месте Свамиджи стоит Саи Баба. Обернулся ко мне, улыбается приветственно. Он ожидал меня увидеть, я - нет. Но я рада, я тут я. Он стоит посреди комнаты очень маленького роста, чему я удивляюсь, но мне не с кем разделить свое удивление. В комнате еще есть люди, но они сидят по углам, их не видно в темноте. Вижу только Его. Показываю с улыбкой Ему книгу, он кивает, тоже с улыбкой, приглашает жестом сесть. Я сажусь у окна, чтобы видеть Его, стоящего в центре комнаты. Он говорит с доброй усмешкой, что раз я села на место учителя, то давай, мол, учи. Мне немного некомфортно от этого замечания, но в целом чувствую себя органично на этом месте. Пытаюсь что-то сказать, получается. В какой-то момент понимаю, что хочу сесть рядом с ним. Подхожу и сажусь, заглядываю в его кригу, понимаю частично что там написано, кажется на санскрите, и это уже Свамиджи. Читаем с ним вместе. Очень волнительно быть так рядом с Учителем.

Мне нравится.

Побережье, чуть больше полоса земли, находится здесь уже гораздо удобнее. Я осознаю, как далеко я уже ушел от привычной жизни, недостижимо далеко. Мы с женой и ребенком сидели на покрывале, что-то вроде привала, отдыха. Солнце согревало, приятно все, трака даже есть, но расси-

живаться нельзя, идем. Все вещи снова оставляем на месте привала, словно вернемся вот-вот. Но чем дальше отходим, тем больше понимаю, что никогда не вернемся. Сожалею об оставленных вещах, ведь их так немного, пригодятся же, переодеться после дождя, укрыться от холода, просто сменить одежду. Супруга знает гораздо меньше меня, но уверенность идти и не возвращаться у нее больше моей. Мы не можем вернуться. Это просто невозможно. Так же невозможно, как взять эти вещи с собой перед уходом. Смиряюсь, иду, черпая силы не знаю в чем, наверное, в остатках уверенности, что была в начале пути.

Начинает моросить, укрытия никакого нет, отвесные скалы, пески, море. Я начал чувствовать, что моя одежда намокает, тоскливо внутри от знания, что где-то недалеко лежит все наше добро и так же мокнет, как и мы сейчас. Чувство безвозвратности и расставания навсегда. Говорю вслух, что одежда пропала, ходить нам мокрыми теперь, а весь скарб остался вообще в машине в двух днях пути, а потому недосягаем точно, и наша привальная одежда была последним шансом на комфорт. Пропавшим шансом. Забираемся на какой-то пандус, выходящий в море. Смотрим вдаль, мокнем. Но я уже смирился. Мокрые, так мокрые, просохнем, человек ко всему привыкает.

Идем по берегу. Вот солнце появилось. Я уже снова я. Снимаю кофту, красную спортивную, обвязваю вокруг себя, чтоб просохла. Ветерок обвевает приятно, одежда на мне

остальная легкая, почти прозрачная, развевается на ветру. Я раскинула руки, подняла лицо к ветру.

Побережье, много песка, но какого-то серо-голубого, люди вокруг, их много, все чем-то заняты, едят, смеются, сидят кучками. Я иду с Ошо. Я снова мужчина. Идем рядом, разговариваем. Я пытаюсь понять куда дальше идти, расспрашиваю его, он думает о чем-то, отвечает не сразу. Он выглядит немного озабоченным, то ли сомневается в чем, то ли варианты прикидывает. Поднимаемся по крутой лестнице, то ли на маяк, то ли просто сопровождаю его куда-то по его делам. Разговор подробный между нами, доверительный. Я даже начинаю что-то понимать из того, что он мне объясняет. Успокаиваюсь как-то, есть только очень хочется. Прошу его позволить поесть где-то здесь, может он распорядится или попросит кого-то, чтобы нас накормили. Он мрачнеет и говорит, что не во всех местах есть полезно. Тут нельзя. Но в двух днях пути есть место, в котором он начинал свой путь. Отправляйся, говорит, туда. Найдёшь Раджниша, я с ним начинал свой путь. Он все ещё там, Ошо знает это наверняка. Передашь ему весточку от меня, говорит, и скажешь, что я просил вас накормить. А здесь нельзя. Я понимаю, что Ошо и есть Раджниш, но это раздвоение не вызывает у меня сильного удивления. Просто понимаю, что и тут Раджниш и там. Я поблагодарил за участие и помощь. Вышел на берег, пытаюсь объяснить жене то, что сейчас услышал. Она настаивает поесть тут, так как очень голодна. Я передаю ей слова Ошо,

что не во всех местах есть одинаково полезно, говорю, что сам не ел два дня, но это не страшно, через два дня доберемся до места, указанного Ошо, и там Раджниш нас покормит. Она скептически делает какое-то замечание. Я делюсь с ней ощущением, что когда нет веры, то поток, канал связи с Богом, тонким планом как-то иссякает, закрывается. Она сожалеет о своем неверии, перестает иронизировать, становится искреннее, готова положиться на меня безоговорочно. Канал восстанавливается.

Мы отправляемся в путь к Раджнишу, и тут приходит понимание, что круг замыкается, путь пройден, задачи выполнены. Мы дома, на месте, в безопасности. Вещи, их наличие или отсутствие не важно. Мы новые какие-то, другие. Место то же, а мы другие. Взгляд другой, ощущение себя и окружающего, вся жизнь другая. Незвестная, новая, непонятная, но я иду с улыбкой удовлетворения. Я снова я. И я пришла, дошла до чего-то, и снова будет путь.

Это будет долгий путь в неизвестность.

Призрачный Институт Хогвартс

Снится мне на протяжении многих лет один и тот же сон. Точнее, не один и тот же, а про одно и то же. Словно учусь я в каком-то неведомом мне на яву институте, по некоей околомедицинской специальности. Она понятна из контекста, но полностью не ясна. Экзамены по медицинской статисти-

ке, физике, общественнонаучным предметам. То есть что-то рядом с медициной, но одновременно не совсем. И учусь я, уже имея медицинское образование, это мне известно доподлинно. Дети, декреты, занятость большая. Полное ощущение, что нужен диплом к уже имеющимся знаниям. А потому хожу нечасто. Мягко сказано, конечно. Хожу так редко, что на пару лет забываю ходить. А там ведь надо только появляться, даже знать предметы не обязательно. Просто приходить, то на лекции показаться, то на экзамены, которые обязательно напишешь, все там под это заточено. Списать дадут, подсказать подскажут, все зачтут, только приди... иногда... изредка...

Вот мое изредка и оказывается таким редким, что я даже не знаю, закончил ли мой поток уже обучение или вот-вот. В этом институте многое может происходить даже без тебя. Те, кто посещает, проставят твое имя, как присутствующее, все доброжелательны, и преподаватели и сокурсники, никто слова не скажет, даже после двух лет прогулов.

И вся тревога во мне обрушивается, когда я вдруг вспоминаю, что, блин, да я же про институт совсем забыла! Как же так вылетело из головы-то? Столько уж «отучилась»! Скоро диплом должен быть, а может все уже закончили и меня отчислили просто потому, что я не появлялась и найти не могли? Я ж пропала и про все забыла! И теперь все потеряно, а диплом мне этот пригодился бы. Не сказать, что жизнь без него остановится и нужен позарез, но вот досада такая нака-

тывает, что забыла просто изредка посещать, не требовалось же многи сил и времени, и такую возможность профукала!

И сны эти со временем немного смещаются. То я приходила в этой тревоге, прибегала прям, и попадала на лекции, ни тетрадок, ни учебников, ни даже не знаю, что за предмет и где искать свою группу. Но как-то находились все, узнавали, интересовались, чего так долго не было меня. Я что-то отвечала, благодарила за то, что отмечают, удивлялась, что не подкалывают, не осуждают, не смеются, не вредничают. Узнавала, на каком я уже курсе, так как точного времени прогулов не помнила. Оказывалось, где-то второй - третий курс уже, и осталось немного доучиться. На лекции я поражалась объему материалов, его сложности, обещала себе не забывать посещать, ведь с моим подходом и пролететь можно. Немного успокаивалась, что все наверстывается легко, тут есть кому поддержать и подсказать. Уходила из института довольная, выдохнув.

Потом пошла чередa снов, где также вспомнив об учебе, попадала прямо на экзамен. Тоже не знала ни о предмете, ни об условиях сдачи. Но все проходило удачно. Вопрос был известный или однокурсник хорошо знакомый, все объяснят, покажут, лекции дадут. С шутками, прибаутками снова успокаивалась, давала себе обещание уж доходить как-нибудь, ведь ну совсем не хорошо так на экзамены влетать. Совесть как-то было за мое отношение.

А вот теперь снится, что снова вспомнила, что учусь, и

такое ощущение сильное, что последний раз была там курсе на третьем, а невесть сколько времени прошло! Уж вообще наверное все поменялось там! И группа выпустилась небось, и препода меня не вспомнят? Как же быть-то? Чего ж я за-была-то все, Маша-растеряша? И вообще не помню, где этот институт находится! И съездить вроде надо бы, да куда? Ни названия института не помню, ни курса, ни группы, ни названия факультета, ни какие предметы там были! Вот на языке вертится, а опознавательных знаков нет. Но еду куда-то, ведь так всегда было, названия я и не помнила никогда, знала как будто, но не помнила точно, только по лицам ориентировалась и по впечатлению, что да, вот, точно, это моя группа, как вы тут, ребят? И еду-еду-еду, что будет? Найду ли? Успею ли? Но продолжаю ехать, метро, переходы, эскалаторы, неизвестность...

Шаман-сон

Как-то попала я к Алле Х. Не случайно, так как никто не удивился и меня, по-видимому, ждали. Они с группой собирались провести мне какой-то обряд, ритуал, что-то шаманское. И вот началось. Я стояла посреди тёмной комнаты, а они сидели вокруг по стеночкам. Я закрыла глаза и наблюдала за ощущениями. В какой-то момент почувствовала, что тело стало невесомым... совсем... можно было делать всё, что угодно, и я подумала, что если отклонюсь сейчас назад, то не

упаду. Но только подумала... а потом и сделала... и полетела в путешествие. Это были не совсем привычные картинки, какие-то то ли леса, то ли водоёмы, даже под землёй мы перемещались, летая, вообще происходило какое-то очень быстрое движение в полёте. Через неопределённое время, так как ощущение времени там тоже очень необычное, мы вернулись, но путешествие не закончилось, хотя вроде должно было бы. Снова начался полёт, но как будто не запланированный. Я летала по небу и меня сопровождали два существа, которые хотели мне что-то показать и делали это. Их задачей было долететь со мной до самого высокого верха, по аналогии с подземельем, до небес и побыть там...

После выполнения мы вернулись в комнату окончательно, и я открыла глаза. Меня ждали. Я попросила Аллу объяснить, что произошло, и она сказала, что когда появился мой волк, то они всей группой в виде стаи собак побежали за ним, что бы он показал что-то, ради чего всё это устраивалось. А именно, мир земной и подземный и всё с ними связанное. Собственно нужно было увидеть, определить то животное, которое имеет ко мне отношение. Им оказался волк. Хотя в комнате появились две белые кошки, как представители моего животного. Процесс завершён. Я поняла, что моё последующее путешествие осталось незамеченным, но было не менее важным. Тогда я повернулась и увидела за спиной духовой шкаф, в котором сидели два дракона. Именно они сопровождали меня в мире неба и небес. Я показала их

Алле и спросила, что же она скажет про это. Она была удивлена, так как появление драконов и связанного с ними не входило в планы. Но согласилась, что произошло очень важное событие, что-то связанное с объединением двух миров (верхнего и нижнего), знакомство с двумя животными вместо одного, драконы связаны с огнём и по сути являются сами огнём. Дальше группа ушла и начался какой-то еще один, дополнительный, ритуал. Алла начала какой-то специальный танец, что бы что-то ещё узнать или объяснить-показать, но смысла происходящего я уже не уловила...

Потом приснились те две белые кошки. Они родили очень много ... мышат... или скорее крысят. Прямо штук двадцать, причём кошка стала крысой-мамой и всё время раскладывая новорождённых в два разных места, а сама спала в том месте, где находилось меньшее количество крысят, а иногда вообще где-то отдельно. Я же, увидев их отдельно лежащими, всё время собирала в одно, пыталась подсунуть маму к детям. Причём, пока я её несла, она была кошкой, но как только клала к ним, она становилась крысой. Спустя время она снова уходила спать в отдельное место. В какой-то момент я отчётливо поняла, что они крысята, а она кошка и надо их выкармливать другим способом, чтобы не померли. Стали придумывать механизм, позволяющий через множество трубочек подавать молоко малышам и с помощью ещё одного механизма оставлять молоко всё время тёплым. Опять про-

летело какое-то время и я обнаруживаю, что остались два выросших крысёнка и уменьшившаяся мама крыса, постоянно спящая-лежащая-отдыхающая. Она себя плохо чувствует и может сама помереть. Начинаем спасать её от переутомления, от мастита, от воспаления ещё чего-то...

Сон плавно перетекает в Рыбинск. Прогулки, встречи с живыми и умершими родственниками, бурное обсуждение с ними каких-то вопросов, делёжка впечатлениями друг от друга, в том числе от того, как кто из них умер, поедание совместно огромной кастрюли заваренной кураги.

Комментарий Аллы:

Такой сон можно разбирать неделю. С твоими пояснениями, но это тока с клиентами. Вариантов много, четыре, как минимум, части.

Я являюсь неким объектом для тебя, твоя шаманская часть, которая тебе помогает, это про связь с родом, к которому ты попадаешь, ты на пути инициации, в переходе сейчас, чего-то куда-то, в переходе – ты встретила с тенью, есть поддержка от людей.

Самость говорит, что встретила и в этот раз не так страшно, так как есть поддержка. Невесомость – эта часть – если я вернусь к чему-то прошлому, то я не упаду. Уровень доверия сейчас изменился у тебя.

Полетела – эта часть – сейчас есть связь с бессознательным, ты постепенно погружаешься, делаешь это уже достаточно быстро, быстро своими мыслями, своими размышле-

ниями. Что-то уже выстроилось из этого материала и достаточно быстро.

Что со мною происходит? Я уже понимаю сейчас, могу черпать из своего глубокого бессознательного. Скорее всего, про это.

Два существа – как вариант, какие то, вершины в твоей жизни достигнуты, по сути хочется постичь еще большие, возможно в работе или где сейчас тебя больше, задача была долететь до самого верха, хочется еще выше.

Мужское освоение. Энергия освоена эта анимусная.

Волк – хочется остаться в своем лидерстве, чтобы другие следовали за мной, лидировать, но это пока из Эго. Необходимо пройти инициацию волка – это способность быть в стае, и оставаться при этом личностью, независимой, свободной. Волк – учитель.

Две белые кошки - идет усиление, кошки тоже про эту независимость, но больше про женское начало. Предлагается сделать переход к женскому.

Два дракона в духовом шкафу – внутри контейнера, огня, сидит архаичное, какие то страхи, из глубинного бессознательного. Опять возврат к Тени. Хочется их трансформировать или это уже происходит сейчас с твоими страхами архаичными, ты их уже определила – в духовой шкаф. Предать огню. Но еще не предала огню.

Хочется что-то объединить – возможно мужское и женское или что то еще. Пока не улавливаешь. Здесь из глуби-

ны архаической структуры поднимается что то, что пока не улавливаешь.

Две кошки которые родили мышат-крысят. Это - Свободная, независимая мать родила агрессивных детей (крысят). Чаще сфера свекрови или матери, туда разбираться. Так считает твое бессознательное.

Спала в том месте где меньше крысят - возможно есть мысли не многовато ли детей сейчас?

У них есть необходимость в поддержке, неокрепшего ребенка, а эта мать не очень хочет это делать, не очень хочет их кормить.

Пыталась подсунуть мать к детям - возможно пытаешься всех детей контейнировать.

Если эта мать твоя - то есть внутри себя встреча со своей матерью, которая каждую беременность пробуждает нашу мать. Она иногда бросает своих детей, что возможно, какие-то новорожденные части тебя, как твой внутренний ребенок, которому пока нет возможности контейнировать материнское.

Создать внутри себя эту энергию. Заботливую, неагрессивную, принимающую.

Надо их кормить другим способом – мои дети, не мои дети, мои части, не мои части.

Я думаю, что я такая мать, а могу быть не такой матерью. Как будто они дети из разных родов, которых пока не получается соединить.

То ты кошка, а они крысы, то наоборот. Внутри разборку сделать надо, кто есть кто.

На самом деле, возможно дети не такие, как я хочу, материнская часть твоя все время про это думает, какая я мать.

В итоге, все-таки все состыковались в одну систему – все крысы.) Но здесь, к сожалению, все через механизмы, а не через утробу, матку, через радио, а не через любовь.

Процесс индивидуализации идет.

Принятие рода случилось, либо твои части приняли свою агрессивную материнскую часть.

Спасение крысы от мастита и еще – история спасения мамы от чего-то. Мать крыса – она холодная или она больная, ее все время нужно спасти.

Вопрос это про твою маму? Или про тебя, когда ты мама? Или ты беременна? Или думаешь об этом, сейчас как - то актуализировалась эта тема.

Рыбинск - возвращаешься в свой род и все рассказывают, как кто прошел трансформацию, и они поедают курагу – опять контейнер, но он семейный, все сложили в эту одну кастрюлю. Курага – абрикос без косточки. Можно взять только то, что заложено, полезные свойства, взять то ценное, что заложено.

Цвет самости, сохранить ценность, того, что есть, не надо возвращать, косточки нет.

Может быть, папин или мамин род были разъединены.

Либо кошки, либо крысы, что-то не соединяется в родо-

вой системе, или внутри тебя больше про папу или маму.

Все время желание все сварить, трансформировать.

Возможно, боязнь попасть под зависимость от мужа, из предыдущего опыта брака. И что из этого всплывает.

Возможно разборки с твоей мамой, которая не контейнировала, когда ты была маленькой, может сейчас это актуализировалось. Мама то крыса, то кошка, то ласковая, то агрессивная, то она больная и все начинают за ней бегать.

Или есть какие-то опасения про то, какая ты мама? На бессознательном уровне.

Либо идет работа с агрессивной твоей частью, конечно, она потом пойдет к матери в любом случае.

Первая часть сна – вся мужская, вторая про женское, идите в материнство, а не к вершинам, говорит бессознательное, твоя голова понимает, все элементы говорят, что нужно не возрождать, а отпустить. И сохранить ценность.

Что с родом не понятно, не знаю совсем ничего про тебя, возможно, вытеснили в какой род, типа папин род плохой, или мамин. Но в итоге ты все стыковала.

Пока немного с агрессией, но все же. Скорее это про создание контейнера для ребенка. Внутренняя мать пока еще учиться этому.

Про дракона – в женской утробе сидят архаические страхи, надо бы разбирать их, они усиленные их два.

Дракон – это и полет и разумность, головой все делаешь верно, нужно соединить Аниму с Анимусом. Процесс науче-

ния запускается, необходимо умение контейнировать женское. Много чего можно написать, я не спрашиваю про личный материал. Не знаю, чем ты сейчас живешь. Если бы это был сон клиента, то по слоям надо снимать, разбирать, много материала.

И Архетип героя, и родовая история, и материнская, и ты, как мать и твоя мать, и про понимание и про страхи внутри архаические, на несколько месяцев наверно).

После ответа всё утро было раздражение. Агрессивность повысилась. Явно всплывали вопросы о том, какая я... Потом апатия, грусть...

Сон?

- Мама, а что на самом деле происходит? Что настоящее? Мне сниться, что я пират или пирату сниться, что он - это я?

- Может быть тебе сниться, а может и наоборот, пирату сниться, что он - это ты. Но если это так, то ты можешь этот сон сделать счастливым и радостным, раз уж ты во сне. Наполнить этот сон тем, чем тебе хочется. Во сне ведь все возможно и препятствий нет...

- Наступает ночь, мама. Пусть мне приснятся слишком добрые сны, тебе - слишком хорошие, а папе - бездомные...

- Это как?

- Ну, это что он ходит по улице, дома у него нет. Весь грязный, мокрый, голодный...

- Это же нехороший сон!

- Ну, тогда пусть папе приснится домный сон...

- А это как?

- Это что он ходит по дому один и никого у него нет. Ни сыночка, ни жены...

- Это же очень грустный сон, когда у тебя никого нет!

- Ну, тогда пусть ему приснится, что он живет в доме с другим лицом, у него есть сыночек с другим лицом и жена с другим лицом...

- А почему все с другими лицами?

- Ну, это же сон...

Как я умерла

... Я занималась обычными повседневными делами, слабо замечая, что происходит все немного не так. Мое состояние и ощущения почти не отличались от обычных, разве что я была немного более молчалива. Я работала, слушала радио, читала интернет и вот как-то объявили, что будет сильный ураган и надо все прятать, да и самим прятаться в убежище. Я заволновалась и начала что-то торопливо перекладывать из машины в дом, наблюдая, как стремительно сгущаются тучи.

В мгновение ока налетел шквальный ветер, это действительно случилось мгновенно, в тот же момент, как я об этом услышала по радио и начала действовать... Пожалуй даже

понятие «время» тут не совсем уместно, так как все случилось сразу, а не последовательно.

Я понимала, что не успею, но продолжала убирать вещи... пока в меня не ударила молния... и я ощутила, как она прошла сквозь меня... и ничего не произошло... только как-то странно осветилось мое тело. И тут я увидела... что у меня нет тела...

Какая-то странная, тянущая мысль застряла в моем мозгу или в чем-то, где он был...но я не могла понять эту мысль, это как слово, которое вертится на языке, а вспомнить его не можешь или знакомое лицо, мучительно вспоминаемое где и при каких обстоятельствах оно стало знакомым... Что-то закралось в мое беспечное существование и грозило нарушить его, но природное любопытство не давало вытеснить пусть даже неприятно неожиданное обстоятельство.

Я открыла интернет и зашла на свою страничку «одноклассников» или facebook... просмотрела новости, увидела много интересного. Как-то сквозило печалью и не понятно было отчего так грустят мои друзья... На своей стене я увидела посвящение, написанное моей сестрой. Дословно я не помню, но это было красивое стихотворение с обращением ко мне... таким трогательным, пронизанным любовью, нежностью, но и какой-то безнадежностью, фатальностью, второй куплет его начинался со строчки «...но ты лежишь в гробу...», что-то перешелкнуло в моей... голове?... я лежу в гробу... я же умерла!.. нет ...это же Я(!) умерла! Все как-то

одновременно рассыпалось вдребезги и встало на свои места, пазлы сложились... вот что мучило меня все это время... время... его отсутствие, здесь его просто нет. Скорость реализации мыслей, непонимание при желании не понимать, черные тучи над головой при мрачных мыслях... я просто умерла, меня нет там, где я думаю, что я есть...

Все развалилось, я одна между тем, где я есть в действительности и тем, где хочу быть. На какое-то «мгновение» появилось «там» и «здесь», но пространство тоже исчезло, оставив единое Всё. Вот оно настоящее здесь и сейчас, о нем столько всего сказано, написано, но познать его так просто... нужно только умереть.

Я вдруг увидела, что есть близкие мне люди, которые страдают, они просто не знают, что Всё есть, что я тут также как и была, только сразу везде и всегда. И сразу со всеми, такими любимыми и близкими. Моя дочь писала в планшете какие-то свои «слезы». Я «села» где-то рядом и хотела написать ее имя, но вместо Аня получилось «Ах...ах...ах...» со второй попытки «Ай ай ай» и только с третьей вышло «Аня...» и она поняла, что это я... она заплакала и побежала показать кому-то эти надписи... а я ... проснулась.

Все в сборе

Сегодня приснилось, что отец моей бывшей одноклассницы (оторвы) В. (которого она, помнится, называла "фаза" из-

за того, что он работал на каком-то заводе и с этими фазами там что-то происходило) привёл меня домой как свою жену, Подружка негодовала, но папа был настойчив. Она смотрела на меня убийственным взглядом и мыла окна. Я осталась. Плавнo этот сюжет перетёк в Рыбинск, где родилась мама и похоронены мои бабушка и дедушка по маме (другие тоже), "фаза" стал дядей Геной (родной брат бабушки, умер лет 10 назад), мама, Светка, ещё какие-то родственники были в сборе, мама странно смеялась, была совсем не такая, как в жизни, но я знала, что это она, рассказывая кому-то что-то, а я стояла крепко обняв дядю Гену, чувствовала такое сильное родство, близость, душевность. Он тоже крепко обнимал меня, смотрел поверх куда-то горящим радостным взором, лицо его светилось от счастья. Подошла Светка (дочка дяди Гены), начала дёргать его за подбородок, приговаривая какое-то критическое замечание, мол, у вас у всех в роду такие подбородки становятся с возрастом. Я отпихнула её руку вместе с её критикой. Мы продолжали стоять, обнявшись, молча, чувствуя любовь.

Я размышляла над этим сном... Дядя Гена покойник, конечно, но при жизни был очень добрым и душевным человеком, теплее всех братьев, да и сестры тоже (моей бабушки). Вроде не звал никуда, ничего не говорил, но так крепко держал, что хотелось подольше побыть в его объятиях. Не знаю, что бы это значило...

Случайно

А сегодня приснилась церковь, древняя такая, со старинной иконой Христа, потемневшей до черноты от времени. Внутри ещё одно помещение, по виду что-то между хранилищницей мощей и алтарём, но располагается прямо в центре храма. Я хотела было туда зайти, да моя спутница, не помню кто это, прошла дальше. Смотрю, что-то читает, пошла за ней и увидела ту самую икону, удивилась ей, точнее ощущениям от неё, но взгляд тут же скользнул дальше... А дальше открывался вид на многочисленные гробы, открытые, с приставленными крышками рядом, много их, с десятков, наверное. А в гробах-то в основном дети, мальчика увидела лет шести-семи, он на первом плане был, ну и дальше за ним тоже примерно того же возраста. Удивляюсь от чего это так много детей тут, что ж произошло-то? А потом смотрю, прямо передо мной стоят два гробика, с мамой и дочкой, они лежат и смеются. Удивилась я, чего это они в гробах-то смеются, может, думаю, легли на примерку?... И тут старшая поворачивается ко мне, заметив меня и говорит: "А что мы тут делаем? Почему в гробах лежим? Почему в церкви?" А я смотрю, рядом с ней муляж её дочери лежит, безжизненный и холодный, а в гробике, что рядом с ней стоит, дочка живая, тоже на меня смотрит вопросительно. Тут я поняла, что их случайно в гробы положили, сейчас, говорю, позову кого-нибудь. И начинаю кричать, вернее пытаюсь крикнуть:

"Кто-нибуудь!". А выходит, как это во сне бывает, какое-то сдавленное мычание, мучительное и почти беззвучное. Пытаюсь снова, опять застревает где-то сверху горла. Пробую опустить звук ниже, из нижней части горла и груди и получается громче, от чего я и просыпаюсь...

Домой пойду

Снилось мне сегодня два сна.

Первый о моей юношеской любви, очень сильной, помнится. Так вот, во сне я к нему ходила домой, мы встречались, хотя я вроде как сейчас, а вроде как и тогда. Но знаю точно, что домой вернусь. У Виктора (так его звали) лицо во сне было узнаваемо, близко к оригиналу, но какое-то изменённое. Мы занимались сексом (впечатляюще), а потом он сказал, как бы с сожалением: "Когда же ты у меня останешься?.." В смысле жить. Я, услышав это, отвернулась и пошла, ничего не ответив, но подумав, что я дома жить буду, у него не останусь. Когда проснулась – поняла, что в его лице было изменённое. Так обычно выглядят лица умерших людей, немного растянутые без естественных мимических морщин и вообще без мимики. Особенно привлекал внимание его рот, губы слишком длинно и тонко вытянутые и сомкнутые, даже когда он говорил. Основное ощущение от яркого секса и отчётливое желание уйти домой и не оставаться.

Проснулась, удивилась и снова уснула.

Дед

Второй сон о том, как будто я рассорилась с подругой, и она стала отнимать мои вещи, в жизни ей подобное поведение совсем не свойственно. Я начала доставать из её шкафа эти самые вещи, лежавшие почему-то там, среди них оказался большой чемодан, полный моих старых сапог, я ещё смотрела на них и удивлялась, вроде выбросила давно, а они тут, все мои любимые... Так вот, мы уже с Димой, оттуда возвращаясь, привезли в этом чемодане деда, в смысле нашего деда, дорогого, любимого, но ни на одного из существующих не похожего, темноволосый такой с густой шевелюрой с проседью и хорошими такими усами. Привезли и поставили рядом с домом, где иногда машину ставим, открыли чемодан, а дед (по ощущениям наш, родной) почти слепой и с трудомдвигающийся самостоятельно, протягивает руку, типа просит помочь ему сесть. Ну, помогли. Тогда он кладёт позади себя автомат, который при нём был и даёт понять, чтобы не уносили, пусть, мол, тут лежит. А сверху - пистолет, тоже бывший у него. Убрать подальше не даёт. Я знаю, что дед – мафиози (?) соглашаюсь с его желаниями, но подумываю втихаря потом убрать подальше от греха, всё-таки слепой... Отхожу немного, а потом бросаюсь к нему на землю, руки протягиваю и рыдая говорю: "Ну, скажи, мы ведь о тебе хорошо заботились, всё для тебя делали, никто бы лучше не

сделал?!" Он, немного пренебрежительно, но видно, что ему приятно, отвечает: "Да-да, идите-идите, я вас благословляю, иди". Я успокаиваюсь немного и отхожу. И тут он берёт ружьё (автомат превратился в ружьё) и начинает палить вверх, сначала быстро, потом медленнее, никто подойти к нему, пока он стреляет, не может. И как только все патроны кончатся (а их было много), он ложится и умирает, вернее, ложится уже мёртвый.

Звездная девочка

*Мечты? Воспоминания? Размышления? Не знаю...
Из глубины моего сердца.*

Маленькая девочка устремила свой взгляд вверх и увидела как всегда не потолок, а небо... Темное звездное небо. Скорее всего, этот звездный рисунок относился к неизвестному землянам небу. Это была далекая галактика с мириадами вселенных, та галактика, родом из которой была та, что лежала сейчас в детской кроватке в одну из холодных ночей ее жизни, пока все остальные дети мирно спали, и вглядывалась в дальнюю даль того (...), что она знала, было ее родным домом.

Одним из условий нахождения ее здесь, на Земле, по-видимому, было отсутствие части памяти о своем прошлом, но те, кто знал и любил ее там, присутствовали и здесь, на этой планете. Они всегда были рядом, чтобы при случае иметь возможность поговорить, подсказать, поддержать ее... ту, которая здесь оказалась в теле маленькой девочки в семье, которая распалась на втором году ее жизни. Дитя любви двух незрелых землян, играющих в обиды и измены... В пылу этой возни ребенок оказался никому не нужен, но и об этом она знала, правда не очень помнила тогда, когда все это случилось. И вот сейчас, глядя в звёздное небо родного дома, она вопрошала Семейство: "Что происходит с людьми, почему

они такие странные? Зачем они ссорятся? Зачем так ведут себя?"

И Семья отвечала, что люди забыли о том, что могут и умеют любить, и что она должна помочь им вспомнить об утраченной способности, но для этого необходимо как следует узнать их, их повадки, привычки, обычаи, традиции...

Здесь всё так сильно отличалось от того милого и родного, к чему она привыкла дома, многое её удивляло, смущало, приводило в смятение. И каждый раз она выходила на связь с Семьей, выбирая для этого тихие места, где вокруг были невинные... Дети, животные, растения, умершие... "Для чего им нужно спать? Зачем они делают это и как им это удастся?" Она задавалась множеством вопросов и получала ответы, спокойные и умиротворялась. Она научилась спать или выглядеть спящей, стала внимательно наблюдать за окружающими ее людьми и многому научилась у них. Поведение детей было малоинтересным для неё, девочку скорее интересовали поступки взрослых, ведь именно они носили в себе способность познавать этот мир, обладали информацией о Жизни, умели читать и писать, добывать необходимые знания и, прежде всего, знали места, где эти знания живут, скапливаются и ...

Правда она поняла ещё кое-что... Не все взрослые эти знания ценят и не все к ним стремятся. Это было шокирующее открытие, так как свидетельствовало о том, что люди не просто забыли то, чем они являются, но и продолжают за-

бывать, то есть быстро шагают по дороге Деградации, и происходит это повсеместно. Неосознанность плодит ещё большую неосознанность, а затем Забвение и их собственную Смерть... Смерть как Существ, несущих Свет.

Она всегда слышала голоса, точнее это был один и тот же голос, мужской, мягкий, любящий, терпеливый и очень - очень близкий. Это был тот, кто вызвался помогать ей тут. Сам он должен был остаться Дома. Ему очень хотелось быть рядом с ней, но на Землю отправилась она одна. Они оба понимали правильность и единственновенность происходящего, они любили друг друга и любили Людей. Он понимал, что они больше никогда не увидятся там, Дома, но знал, что она ни на минуту о нём не забудет, что во имя их великой Любви она сделает то, зачем (...)

Именно его голос она слышала в детстве, именно он помогал ей в трудные минуты её земного детства вспомнить о Доме, ощутить поддержку и тепло. Так он мог быть максимально близко к ней, к их общему делу, спасению Земли. Она выросла необычайной Женщиной, не похожей на других, да она и не могла быть похожа на них, так как не являлась землянкой да к тому же ещё и помнила об этом. Он гордился ею, радовался тому, как ей удастся нести их Любовь людям, скольким удалось пробудиться и начать свой путь по дороге Эволюции.

Слезы памяти душили её, когда она вдруг вспомнила всё, и волна огромной Вселенской Любви накрыла её. В этот мо-

мент Они оказались близко- близко друг к другу, как будто и не расставались никогда, и она узнала, что расставания никогда и не было, что теперь каждый раз, когда она вспомнит о нём - окажется дома. Благодарность и Чудо наполняли её Душу, многое прояснилось с ещё большей чёткостью. Жизнь стала чуточку короче и ярче... Она осознала себя Счастливой и продолжала жить.

Кая я поняла, что пространства и времени не существует

"Но ведь Я здесь сейчас?", спросила она...

И тут же услышала ответ: "Конечно, ты здесь... и ты там..."

"Я везде... всегда...", подумала она. И это была правда. Одновременно и сразу там, где есть Бытие, там есть и я... Как чудесно находится сразу.

"Значит Он тоже здесь?"

"И Он здесь... и везде".

"Тогда то совсем не страшно..."

"Конечно не страшно, мы все с тобой, по-другому и быть не может"

Маленькая девочка улыбнулась и заснула мирная и спокойная в сегодняшнем Сразу Всё, чтобы проснуться в новом Всегда в своём Везде под тихий звон колокольчиков её Жизни...

Зоя и Валя

Две прекрасные девушки, каждая в своем репертуаре, но неминуемо притягивающие друг друга общаются, встречаются, путешествуют и просто живут, но очень по-разному.

Четырнадцатая Вселенная

Зоя уютно посмеивалась в кулачок. Она словно знала какой-то секрет, с помощью которого Мир расцветивался яркими красками, а невзгоды отступали прочь.

Недавно она потеряла очень близкого человека. Родная душа покинула этот мир, внезапно и навсегда. Такое всегда происходит неожиданно, несмотря на все болезни и ожидания. Эта родная душа была практически единственным человеком, понимавшим Зою с ее непростым видением мира и принимавшим ее по-настоящему. Близость их душ только крепла с годами, не взирая на разницу в возрасте и мировоззрении. Это была ее тайная опора, незыблемость, позволяющая оживать после каждого разрушительного события, убивающих отношений, взрывающих мозг родственников.

Теперь ее не стало. Жизнь Зои покачнулась маятником, грозившим смести с лица сознания все здоровое, включая само сознание...

Поначалу Зоя блуждала по всем своим тринадцати все-

ленным, ныряя в них, как в спасительное пространство, но что-то не давало в нем надолго задержаться, словно призывая оставаться осознанной и с открытыми глазами встретить перемены, огненными кометами несущиеся ей навстречу и готовые заполнить собой появившиеся дыры Зоиноного существования. Они несли новое, а потому чуждое, но были неизбежны и безжалостны... Зоя снова и снова пыталась погрузиться в дрему своих спасительных Вселенных, но что-то все время тянуло прочь, в какой-то новый, несуществующий еще Мир.

Она открывала для себя четырнадцатую Вселенную.

За кого ты меня принимаешь?!

- Не пропусти поворот..., - мягко сказала Зоя подруге Вале.

- За кого ты меня принимаешь?! – возмущенно ответила та и прочитала длинную нотацию на предмет доверия ей самой и уважения к навыкам водителя со стажем более 15-ти лет.

- Я просто сказала, - примирительно проговорила Зоя, - я не хотела тебя обидеть. Ведь у женщины 13 Вселенных в голове, продумала, вдруг ты в одной из них...

Валя промолчала, но надулась и задумалась. Через несколько минут, подъезжая к нужным воротам, притормозила, напомним себе, что третью скорость надо бы переключить.

читать на первую, когда снова тронемся. И тронулась с третьей... Машина завздрагивала и поехала, но Валя покраснела. Молча доехала до дома, высадила пассажиров, и все занялись своими делами. Сынишка бойко забрался на освободившееся кресло и какое-то время весело «управлял машиной», подражая папе, маме и другим авторитетным дядям и тетям, умеющим крутить чудо-баранку автомобиля.

День клонился к вечеру, Валя с сынишкой и подруга Зоя засобирались домой. Валя решила завести мотор, прежде чем усядется вся компания и потом покидать немногочисленные пожитки в багажник. Дело секундное затянулось уже минут на 20. Все вроде на месте, но что-то пошло не так... Ключ не хотел входить в замок зажигания и стопорил где-то на середине. И так и эдак крутила его Валя, но все безуспешно. Погрешила на сынишку, мол, он руль накрутил, теперь ключ с замком не совпадают... Подумала было набрать мужу, может посоветует, что... Позвать соседа, вдруг разбирается... Вспомнила, что есть блокиратор, может в нем дело? Засунула ключ блокиратора в личинку и... тот тоже вошел только наполовину...

Валя удивленно посмотрела на ключи и увидела, что они от другой машины...

- Сколько там у женщины Вселенных в голове?)) – глядя на скромно улыбающуюся Зою, задумчиво спросила Валя.

Кисель головного мозга

Валя с утра была немного раздражена: критические дни, ставший постоянным недосып, навалившаяся куча малопонятных, но нетерпеливых дел...

Зоя вяло смотрела в экран своего гаджета и жала на кнопки. Она была утомлена бессонными ночами боев с интернет-реальностью, но продолжала стоически двигать извилинами и пальцами рук.

Диалог увязал в потоке сумбурных мыслей без надежды на твердый берег здравого смысла...

Сегодня девушки хотели обсудить творческие планы на уже сквозящую из всех щелей осень, но похоже, что творческая осень их опередила и обсудила планы на девушек со Вселенной Киселя головного мозга.

Звонки не по адресу, вопросы без ответов, претензии не по делу, телефон сел, солнце палило, кофе проливался, конфеты падали, мысль не шла, язык мямлил, взгляд запустевал, электричество кончилось.

Девушки перглянулись и с улыбкой сдались безмозглому времяпрепровождению и мягкому, уютному, как домашние тапочки, солнцу августа, слепящему, но не обжигающему.

Дело было в понедельник

- Подвиньте мне мир, - сказала важно Зоя, скрывив губу и пренебрежительно махнув рукой в сторону толпящейся неподалеку кучки людей. – Мне надо туда, а они пусть отойдут.

- Ваше время придет не раньше, чем через восемь дней, - спокойно и твердо произнес женский голос из пространства.

- Но я не могу ждать! Мне надо! Вы разве этого не понимаете, мне очень надо! – Зоя тщательно прикидывалась бедняжкой, чтобы выдать хоть каплю жалости. Тон ее был нежный, но капризный с оттенком детскости. Глаза картинно заведены кверху, а бровки сами собой складывались домиком.

- Впереди вас много народу. Свободного места нет. Вы можете ожидать своей очереди, – голос словно издевался своим равнодушием к так явно демонстрируемому недовольству.

- Ну, что, трудно что ли их подвинуть? Это же я иду! У меня проблемы! Они не терпят отлагательств, - Зоя начала чувствовать непривычное бессилие. Она так привыкла манипулировать людьми, что такое противостояние обескураживало.

- Я вижу, что у вас проблемы, но количество людей перед вами от этого не уменьшится. И кстати, у них тоже проблемы, - продолжал говорить голос, все еще спокойно.

- Ну, что, вы попросить не можете вот этих вот? – Зоя все больше кривила недовольное лицо, раздражаясь, но стараясь не выдать раздражения голосом, - понимаете, мне очень

нужно, я в тяжелом положении. Мне завтра или послезавтра или вот в понедельник, но ждать до вторника я никак не могу. Рано утром во вторник я улетаю.

- Вы можете смело перенести свою поездку, - сказал голос, абсолютно уверенный, что никакая поездка в жизни Зои больше не состоится. Все поездки закончились вместе с жизнью уже вчера. Но Зоя похоже никак не могла взять в толк этот факт. - Я могу известить вас, если кто-то освободит свое место. Но ваша очередь подойдет не раньше вторника.

Зоя еще несколько часов продолжала рваться вперед, торговаться за место без очереди, быстро переобуываясь то из жертвы в обвинителя-тирана, то взывая к лучшим спасательским качествам собеседника. Но все увещевания были тщетны.

Ад недоумевал. Зоя стояла у врат преисподней и настойчиво пыталась разогнать очередь, чтобы пройти вперед.

Прекрасный день воскресный!

Зоя отправилась на цветочный фестиваль, ощущая полную осознанность и просветленность. Каждая из вселенных переливалась своим неподражаемым колокольчиковым звоном в Зоиной голове, и девушка шла, улыбаясь и намурлыкивая любимую мелодию.

- Теперь-то я всегда нахожусь здесь и сейчас и, даже путешествуя из одной из 13 вселенных в другую, которые всегда

в женской голове, я осознанна в настоящем, - плавно текла ее мысль.

Сегодня последний день трёхнедельного медитативного марафона, от которого она была в восторге и чувствовала нарастающую и раскрывающуюся креативность и творческий подъем.

С этими мыслями Зоя три раза проехала свои пересадки в место, один раз облилась кофе, так как не помещалось в двух руках три предмета, уронила гаджет, с которым была неразлучна, ибо тыкать в него постоянно пальцами стало насущной потребностью. Она торопилась на встречу с Вале́й. Выйдя на нужной остановке и, к огромному своему удивлению, не опоздав, Зоя облегченно выдохнула и, расслабившись, огляделась вокруг.

Валя ехала в вагоне и размышляла под мерный стук колес. Назревали перемены. Это и тревожило и будоражило. Валя была из тех девушек, что строги к себе и к другим, порой чересчур. Вся ее жизнь была видна ей, как на ладони, это придавало ей уверенности. Голова ее всегда была ясной, поступки объяснимыми, планы четкими. Но сегодня поезд ее непреложности будто сходил с привычных путей. «Рельсы - рельсы, шпалы-шпалы...» - вспомнилась ей старая детская присказка. Тревожность улеглась, взгляд прояснился, кажется, пора выходить.

Валя, с которой накануне по инициативе Вали произошла строжайшая договоренность о встрече в строжайше назна-

ченное Валею время, на строжайше конкретно оговоренной стороне платформы, растерянно смотрела на Зою с другого перрона...

Три девицы под окном

- Когда мне хочется с кем-то поругаться я всегда звоню в Билайн или МТС, - театрально затянувшись айкос и томно выпустив дым, сказала Идуся серьезным голосом.

Зоя и Валя взглянули на неё с удивлением. В их глазах читался немой вопрос.

- Да, это так, а кому мне ещё звонить? Детей у меня нет, бывшего мужа тоже.

Идуся с грустью посмотрела вдаль..."

Зоя плавно вышагивала по веранде, разминая затекшую от долгого сидения спину. Валя удивленно посмотрела на оставленные Зоей на кресле красные труселя... «Как ей удаётся так быстро скинуть трусы в общественном месте, чтоб никто не заметил?» - задумчиво крутила в голове философскую мысль Валя.

А между тем уютный вечерок продолжался, наполняя веранду смехом и счастьем. Даже воспоминания о Фроле, эксцентричном герое-любовнике были уместны в тот вечер.

А труселя все лежали, одиноко жмясь к ручке кресла.

Вскоре Идуся и Зоя засобирались, такси подъезжало, когда Зоя взяла труселя и одела их на ноги... это были носки...

А Идуся готовила пирог. Зоя и Валя всё грозились ей помочь, но только грозились, сидя на веранде и задумчиво смотря на доски, вспоминая Фрола.

Идуся даже начала немного злиться на подружек, как можно так летать в облаках? Но как можно злиться, когда ты в гостях у психиатра? 😏

Морские истории

В этой главе вы найдете смешение моря и любви, страсти, разлуки и смерти. Каждый раз встреча с морем обращалась для меня вдохновением, вызванным буйной стихией и соленым ветром, уносящими мысли далеко от берега.

Озарение

...Ты ушел в море, такой суровый и молчаливый, оставляя меня на берегу, но не зная, что в последний раз... Может быть, если бы только было это в твоём духе задуматься хоть на мгновение о конечности этой встречи, то и прощание стало бы другим... Но это было не по-твоему... ты жил мгновением, только «сейчас» существовало для тебя, и только в нём мог существовать ты... Ты любил меня тогда, когда был рядом и море, когда уходил от меня к нему... ты тонул в пучине моих глаз и волос, утопая от неги и любви, окутывая меня своей страстью и упиваясь жаркой ночью прохладой моих губ, а в море ты испытывал судьбу, проходя по гребню девятого вала, смеясь и расширяясь до самого Бога, которого я молила там, на берегу о милости к твоей жизни, об обретении покоя твоей Душой, о встрече на берегу... Но жизнь для тебя была только там, и только в буйстве океана мог ты сказать: "Да! я живу! Я люблю!". И я знала, что не в возвращениях весь ты, а в обновлении, каждый раз приходил ты другой, ничего не оставалось от тебя прежнего, снова и снова вглядывалась я в твои глаза и там, на самой глубине находила то, что искала...тебя, всегда настоящего и всегда такого разного... И я любила тебя не за то и не за другое, я любила беззаветно, без причин и условностей, принимая этого любимого чужого, не спрашивая ни о прошлом ни о будущем. Море всегда было твоим союзником, своенравным другом и мы играли в игру, что покоряете друг друга, как будто это вообще возможно... Вы видели друг в друге свои зеркальные от-

ражения и влюблялись все сильнее. Но для меня оно не было соперником, скорее промыслом Божиим, оно учило меня видеть тебя, принимать и не привязываться...просто любить, как всегда учит нас Бог... И сегодня я знала, что этой игре наступит конец... Море готовилось показать что-то очень важное не только мне... теперь готов и ты... сердце мое, однако, ныло и молило о смирении, понимая глубину предстоящего урока. Утро... Ты уходишь... свободный, счастливый и неприкаянный... уверенный, что победит сильнейший...

Встреча

Та виртуозность, с которой его корабль заходил в гавань, заставляла собираться толпы на пристани. "Морской волк возвращается...", - перешептывались люди.

Она стояла всегда в первых рядах... Уже ночью она знала о его возвращении. Сердце забилося особенно громко, расстрожив ее сон. Открыв глаза, она увидела падающую звезду. Звезда падала долго, как бы давая возможность разгадать ее послание. Сегодня он возвращается...

Восход солнца она встретила уже на берегу. Всматриваясь в линию горизонта несколько часов кряду, она оставалась спокойной и невозмутимой, ничто не могло поколебать ее уверенности. И сердце не обмануло. Точка на горизонте становилась все крупнее, и вот уже стал заметен замысловатый рисунок траектории корабля. Он как бы выписывал вен-

зеля на ровной глади моря, создавал рисунок из пенных грешков волн. Толпа собиралась... Это всегда было представление, не оставляющее равнодушных. Все, от мала до велика, хотели увидеть, что же будет в этот раз.

История любви сурового капитана и гордой каталонки была известна давно. Мало кто решался обсуждать это, зная нрав капитана, но полюбоваться их встречей приходил весь небольшой городок. Корабль летел на всех парусах, почти не касаясь воды, мастерство его команды вызывало восхищение, умение управляться с такой кипой парусов в любую погоду, стремительные повороты, завихрения, корабль будто танцевал. Иногда крен был таким сильным, что люди замирали и не было слышно ни звука... шумный выдох и шквал голосов, когда корабль выравнивался... и снова вираж... "Да он сам дьявол...", - раздавались голоса.

Она смотрела на все это гордо, молчаливо. Ее не трогала толпа, она не слышала ее голосов, толпа для нее просто не существовала... Казалось, что прекрасная каталонка находилась на берегу, но Душа ее давно уже была там... на палубе... у штурвала, в объятиях любимого... Для нее существовал только он... Он был рядом, а остальное не имеет значения...

Двое

...Ты совсем не умел говорить. Слова - не твоя стихия.

Они не получались, не удавались, вечно выходили какие-то не те... Но ты умел сказать глазами больше, чем все поэты мира в своих стихах! Это могло быть и романтично и сурово, и громко и шепотом, и страстно и нежно! В твоём взгляде она могла различить миллионы оттенков цветов, звуков, чувств. А ещё ты умел слушать... и слышать. Ты понимал её без слов, вам не нужны были слова.

Часто она смеялась. Безудержно, смело, взхлеб или с вызовом, а ты различал её настроение, полутона её эмоций, чувствовал, как вибрация её смеха пробирается в твоё тело, щекочет шею, захватывает каждый волосок, заставляя их вибрировать в такт. Её звонкий мелодичный смех нередко сопровождал тебя в самые страшные ураганы и помогал выйти живым из схватки с Морем. Музыка её голоса запечатлелась в твоём сердце и срослась с его биением. Теперь сам морской дьявол не смог бы разорвать эту крепкую связь.

И каждый раз, уходя в море, ты брал её смех с собой. Он был маяком и парусом, ветром при штиле и успокоением при шторме, он был голосом твоего сердца, и она щедро дарила тебе эти волшебные звуки Бога Радости. Иногда, находясь очень далеко от родного берега, ты, заходя в чужие города, неожиданно оборачивался, как бы окликнутый, и глаза твои тревожно пробегали по толпе в поисках чего-то важного, долгожданного...

Где-то в глубине твоего сердца отозвался её ласковый смех, и ты на миг вообразил, что вот, по волшебству, обер-

нешься сейчас и увидишь ее, свое счастье и надежду, но понимаешь, также вдруг, что она сейчас смеется где-то на другом краю земли, смеется для тебя, тебе, ради тебя, и ты слышишь ее послание Любви и нежно отвечаешь ей взглядом, брошенным на пролетающую мимо чайку, которая вскоре долетит до любимой и, пролетая, принесет воспоминание о тебе...

Вложив всю свою Любовь, взглянешь на море и, оно, мгновенно передав по волнам блеск твоих глаз, погладит ее руки на том берегу, расскажет ей о переданной нежности. Отправишь с облаками Страсть, и они завьются вихрем вокруг ее Платя, обнимая и лаская ее кожу, касаясь ресниц, милых губ, и понесут ответный поцелуй, догнав тебя уже у штурвала, пахнув свежестью утра и, придав уверенности в действиях и решительности в мыслях, унесутся по своим, одним им ведомым, делам, а ты смело двинешься к своим новым горизонтам, в свое когда-нибудь...

Партнеры

...Вчера продолжалось сегодня... Тело уже не помнило, как добралось домой, но Сознание явно запаздывало, видимо оставшись на месте происхождения посмаковать впечатления. Тело побродило по комнате и затихло на кровати, отчаявшись дожидаться своего друга и партнера по путешествию... Сознание... с ним всегда так... Только начинаешь на него рас-

считывать, надеяться, делить с ним ответственность, а оно ... вжик... и испарилось... То ли по пути собеседник интересный попался, то ли спотыкнулось обо что, а то и намеренно спряталось поблизости, что бы дать почувствовать Телу ... "каково без меня"... Беззлобно конечно, по-детски, шутя... Но Тело-то в это время и впрямь себя не в своей тарелке чувствует, не привыкло Оно само, без присмотра постоянного, хотя... ежели окажется с ним по счастливой случайности Тело более мудрое да опытное... вот тогда все совсем иначе обворачивается)))

Тело общительное, компанейское, для него мир ощущений нов и привлекателен, бывает так краски в глаза брызнут, что во все тяжкие пускается, ищи-свищи его потом... Сознание уже отшутило, вернуться собралось, а... некуда... оно уже все свои предположения проверило, и там поискало, и тут... но Тело нестандартно мыслит, если можно так сказать, что оно вообще мыслит... Обнялось оно с опытным бойцом и так в обнимку и ушагало невесть куда, счастливое, довольное... к ночи добрело до дому, а Сознание еще и с поисков не вернулось, ну Оно долго не думая и брыкнулось спать, никуда партнер не денется... поищет, поблуждает да и вернется, а утром уже и разберемся, чья шутка удачнее оказалась)))

Если только среди ночи не придет Телу в голову идея заснуть не дома...

Что такое опыт? Это - ...

Дорогие друзья! В связи с тем, что у некоторых непосвященных в мою деятельность людей, коллег появились уточняющие вопросы, возникла необходимость ответить на них, а заодно еще раз и более расширено осветить суть, цели и задачи рубрики «Опыт-это?».

В эту рубрику вошли цитаты клиентов, взятые из психотерапевтических сессий, их инсайтов, размышлений. Цитаты намеренно неизмененные, необработанные, живые.

Добавлю также, что для соблюдения конфиденциальности бесед и соблюдения этики общения психотерапевт-клиент все цитаты максимально отдалены от контекста личности конкретных людей, пол и лицо использованных фраз применены рандомно. Некоторые из приведенных инсайтов возникали у нескольких людей в процессе психотерапевтической работы практически дословно. Это говорит о том, что они могли возникнуть в голове любого человека, способного к размышлению и развитию, находящегося в поиске своих ценностей и открытий

Задача рубрики - поделиться этими уже произошедшими для кого-то открытиями, сделанными в процессе жизненных изменений и замены разрушительных стереотипов на более целостные и здоровые. Возможно, в ком-то они найдут отклик, кого-то наведут на размышления, заставят задуматься, засомневаться или наоборот станут под-

держивающими и обнадеживающими. Кому-то поможет в поиске собственных ответов на мучительные вопросы или просто даст ощущение, что он не один. Если хотя бы одному человеку ознакомление с рубрикой принесет пользу, считаю, что создала ее не зря.

Помимо этого, в рубрику «Опыт-это?» входят мои собственные размышления и выводы на определенные темы, рожденные в процессе работы с клиентами и просто в течение жизни.

Этот текст написан не совсем обычно. Где-то непоследовательно, где-то обрываясь на полумысли. Это потому, что состоит он из цитат, высказываний, размышлений, диалогов на основе нескольких бесед, нескольких форматов работ, с человеком глубоким, ищущим и многогранным. Не хотелось доводить его (текст) до художественной формы, пусть остается живыми мыслями.

Спасибо за отзывы и предложения.

Что такое опыт? Это возраст, зрелость, мудрость? Или мусор, ленность, тяжесть...

Почему так происходит, что в юности мы деятельные, активные, везделезущие, энергия бесперебойно бьет ключом и по голове почти не попадает, а через пару десятков лет многое (если не все) становится пофиг? Хочется держаться по-

дальше от людей, идти, а тем более бежать, нет ни сил, ни желания, от «делать и стараться» воротится нос, а уж сворачивать горы и подавно противно.

Какая же суть моя? Та, что была раньше или сейчас? Что тут возрастное, наносное, а что истинно мое?

Вот, может наработала опыт, и теперь могу отделить зрелые плоды от пустышек и не ввязываться во всевозможные авантюры, заранее обреченные на провал или не стоящие затрачиваемых на них усилий.

Или наполучала опыта с далеко идущими последствиями и выводами, а теперь он начинает давить на меня, потому, что что-то из принятых за аксиому выводов и решений уже не работает.

А может, я и вовсе иду не своим путем, набрала в опыт всего подряд, до чего руки дотянулись, так как хваталась за все без разбору из страха что-то пропустить, и теперь набранное тянет кирпичами связей и обязательств вниз, ко дну, да так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Или иллюзии и ожидания от возложенных на выбор юности (свой выбор или чужой, смолчу) высочайших доверий не совпали с реальностью, серой и скучной, или тяжелой и раз-

рушительной.

Узнавая что-то качественно новое, однозначно лишаешься старых иллюзий.

У реализованного человека, по моему мнению, опыт является той конструкцией, которая как раз позволяет не только держаться на плаву в различных жизненных ситуациях, но и помогает плыть вперед к новым достижениям и открытиям.

Достаток – это спокойствие...

А что же я хочу? По-настоящему, из глубины души. Могу ли сказать?

Часто вижу в минуты спокойствия и умиротворения... Солнечный день, тихое местечко (итальянское?), маленькая кофейня, народу никого, я еду на велосипеде, заезжаю выпить чашечку ароматного кофе и съесть нежный свежий круассан.

А насколько я вообще живу? Насколько мой день соответствует этому состоянию? Не страшно ли сказать себе правду?

Любовь мне прописана! Как лекарство. Я становлюсь себе понятнее, начиная ясно понимать, что думаю, чувствую, как меняюсь...

Я – собирательный образ. Как я могу научить кого-то делать так, как делаю я? Ведь все мои действия состоят из моего опыта, где-то прочитала, где-то услышала, что-то пробовала и ошибалась, с кем-то советовалась, какие-то вещи игнорировала, а в какие-то цеплялась зубами... Разве можно кого-то научить быть мной?

Продолжаю этот текст, могущий стать бесконечным, так как дописывается по ходу бесед с разными интересными людьми и по-прежнему состоящий из отрывков, цитат, инсайтов... Страшное состояние, не могу двигаться, что-то делать. При моей кипучей жажде деятельности, только и делаю, что лежу. Словно связали... «Сиди, наблюдай, чего стоит ТВОЯ ЖИЗНЬ».

Когда хотел понять, что такое ответственность за других и превратился в то, что взял... заигрался...

Хотела быть не мерцающим светильником, вот и не мер-

цай... сиди во тьме...

Я уверена, что я иду, потому что иду, но сил нет. Есть намерение, надо просто идти, важно лишь намерение.

Ответственность за себя и за свое дело. Делай свое дело качественно, а не пытайся сделать за других их дело. Тогда и только тогда это поможет другим.

Очень важно чувствовать свой центр, уметь в нем находиться. Когда я в состоянии центрирования, без примесей своей истерической личности, я сама становлюсь настолько сильной, что могу помочь кому-то. Я становлюсь яркой и четкой, как точка геолокации, могу быть ориентиром для кого-то.

Искали космические странники приключений и перестали чувствовать связь с реальностью, связь с живим. Как все неприкаянно, бестолково получилось! Все рассыпалось на части, а ведь были единым целым...

Вихрь - это портал. Он затягивает всех тех внизу, кто хочет переместиться выше. Оказывается, можно и так, а ползти - это для тех, кто хочет помучиться...

Каждый, кого затягивает вихрь, когда-то изъявил желание быть затянутым. А если он об этом забыл, то это его проблемы, и она никого не касается. Заявка поступила - примите почту...

От шара идет золотое и голубоватое свечение, спокойное и ровное. Он - живой, он - символ равновесия, это я отношусь к нему, словно к хрустальному и боюсь его двигать, чтобы не разбить.

Когда ты нужен самому себе, значим и силен для самого себя, тогда ты становишься таким и для остальных. Есть внутреннее самоощущение, и оно не зависит от внешних обстоятельств.

Разочарование - это предвестник обновления. Когда перемен не боишься, то они придают сил.

Радость имеет право быть уже от того, что есть, а горе ни к чему даже тогда, когда чего-то не будет.

Откладывала свою жизнь на потом, когда денег больше будет, когда дети вырастут, когда сделаю все, что кому-то должна... и проснулась однажды от чувства собственной ничтожности.

При встрече несбывшихся ожиданий с реальностью рождается тревожность.

Цветы просто есть и это красиво. Я просто есть и это тоже красиво.

Любящая мать может окружить добротой, обнять, пожалеть, отложить дела на потом, не запрещает плакать ребенку и не пугает его.

Когда есть твое понимание, мама, твоя поддержка и спокойствие, то я чувствую себя увереннее, начинаю верить в себя, не боюсь ошибиться.

Можно стараться и не получить желаемое, но не быть осужденной и напуганной. Можно ощущать принятие ситуации без потери любви, самооценности, не потерять право делать что-то дальше. Это не катастрофа, не трагедия, жизнь продолжается.

На вопрос об алиментах через 10 лет:

«Когда мы были в браке, ты ни фига не позаботилась о моем будущем, я не закончил универ, не получил хорошей работы, и что ты считаешь, что я буду миллионы теперь зарабатывать? Нужно было думать наперёд. Мы были в браке, нужно было иметь голову и думать все-таки вместе, семья нужна для поддержки».

Когда делаешь что-то, объясняя себе, что все это для детей, мужа, родственников, друзей и т.д., попробуй найти в этом поступке где и что тут для тебя. Возможно, все осталь-

ные нужны лишь для прикрытия...

Какой замечательный у меня муж! Значит и я тоже?

Качественное важнее количественного.

Вот куда уходит вся энергия! На переживание собственной неудовлетворенности и неидеальности!

Не надо быть за поток, не надо быть потоком, сдерживать его, выпивать из него все! Надо быть собой, тогда будет не из него, а себя на него, и он понесет сам туда, где тебе надо оказаться.

Я благодарна себе прежней, обстоятельствам моей жизни, качествам прежней себя. Без них я не стала бы такой, какая я сейчас есть. Каждое из этих качеств важно и нужно. В моем сердце, в моей душе есть место опыту, своему прошлому.

Когда я есть везде - не надо никуда бежать.

Не стоит пыжиться и прилагать столько усилий там, где это не нужно. Не стоит копать яму в поисках грибов, лучше пойти в лес и поискать под деревьями. Лучше везде найти по чуть-чуть, чем копать пять метров в глубину в надежде найти все сразу. Не стоит стучать в закрытую дверь, когда столько открытых.

Всегда стоит попытаться найти свое глубинное позитивное намерение. Тогда становится виден маршрут, и он сильно отличается от первоначального.

Когда запрет на радости подступает все ближе... Милые глазу одуванчики под окном злостно скошены злобной теткой. «Положено!»- гаркнула она мне в окно.

При беременности обязательно нужно иметь страдальческий вид... особенно, если хочешь компенсации.

Когда в жизни смешиваются тотальность и тоталитарность, принятие и фатальность...

Тотальность и фатальность - принятие хода вещей, все идет так, как должно быть, просто так задумано. Тоталитарность - бунт, протест: «С какой стати?», «Да почему так?», «Я знаю лучше!», «Надо по-моему!»

Циклы бытия неотвратимы, можно лишь насладиться радостью момента!

Когда материнство из заточения, кабалы, плена превращается в счастье. И ребенок не крадет часть жизни мамы, а становится ее частью, расширяя и обогащая ее. И у меня достаточно сил, любви, любимости, изобильности, что бы заполнить себя и все вокруг.

Когда меняется точка отсчета: от «В мире столько боли, несправедливости!» к «Могу ли я сделать что-то, чтобы в мире боли стало меньше, а радости - больше?»

«Когда же любовь к ближним и сострадание перевесит в тебе жажду удовлетворения собственных удовольствий?!»- сказала я ему, а потом себе...

Энергия жизни не ограничена только моей жизнью.

Я танцую, потому, что хочу танцевать!

Из причитаний: «Бедная я, несчастная! Десятую меня рО-
дили!»

Ненависть выражается во взгляде.

Когда кажется, что хочешь власти и всемогущества, а на самом деле - реализации.

Когда энергия изменений хронически подавляется, а желание быть целостным и восполнить себя превращается в ярость и разрушение.

Честность и правдивость дают силы и возможности.

Что такое предательство любви? Боль... Решила, что в жизни не имеют значения чувства (баловство все это), надежнее держаться за престиж и стабильность.

Когда хочется быть вместе с тем, кого любишь, очень болезненно расставаться с возможностью быть с ним.

Не все то золото, что блестит (народно, конечно, но когда рождается инсайт, то очень глубокое переживание).

Где бы ни ступила - меня окружает свобода.

Два дня думала, раскладывала себя на молекулы...

Чего я боялась в 20 лет? Монотонности: дом, семья (дети сопливые и т.д.), работа... А что у меня к 40 годам? Монотонность: дом, работа... Даже семьи нет.

Почему же случилось так, что я хотела быть активной, перспективной, радоваться, рассматривать жизнь, а прихожу

к одиночеству, домоседству, грузному телу?

Я уже перестала этого бояться, перестала с этим бороться, мне просто это надоело.

То, что хочу, мусолю очень долго, на то, что нужно, трачу много сил.

Со взрослым интересно, когда он рассказывает жизнь в историях.

Когда статусный человек говорит тебе, что делать, то насколько ты ответственен за свою жизнь, чтобы сделать то, что он тебе говорит?

Чем интересны дети? Когда они хохочут - есть надежда на будущее.

Боль разочарования рождает агрессию и тревогу, а так хочется спокойствия...

Непонимание вызывает желание стать плотнее и обороняться.

Когда тверда сдерживающая оболочка становится плодородной землей и кроме маленького мирка обделенности начинаешь видеть большой мир радости.

Зависимость – это когда мы сосредоточиваем внимание на каком-нибудь одном объекте, а в мире много всего.

Нужно говорить о реальных чувствах, а не на «другие темы».

Путь развития не совместим с путем идеальности и совершенства. В первом случае нужно ощутить себя «дураком», чтобы узнать что-то новое. Во втором случае ты уже идеален и чашка полна.

Путь от «Быть собой недостаточно, нужно все время дотягивать до стандартов, быть идеальным» до «Я люблю тебя, я позабочусь о тебе» может быть длиною в жизнь.

Чугунные ворота на страже духовных убеждений.

Духовный путь - самый трудный путь в мире. Его нельзя консервировать, иначе он превращается в догму.

- О, Путь! Как бы я хотела, чтобы тебя прошел кто-то другой за меня!

- О, Человек! Это невозможно! Я буду ждать тебя! Сколько успеешь, столько пройдешь...

Что такое душевная лень?

Кошка –это наглядная иллюстрация, что не все можно контролировать.

Когда с утра задумалась: «А нужна ли мне еще терапия? Вроде все хорошо», а к вечеру «Жизнь моя, жестянка!»

Зачем тратить силы на злость?

Когда существует то, что нельзя пощупать, то в это можно поверить.

Настал момент, когда ум должен уступить место вере и

смирению.

Когда полагаешься только на внешнее и подчиняешь ему внутреннее, обязательно случится « что-то пошло не так ».

Сложно довериться неизвестному способу существования, особенно когда был такой привычный и понятный.

Про одиночество может говорить только форма, душа одинокой не бывает. Если форме кажется, что ты один, то нужно расширяться. Тогда увидишь, что одиночества нет. Но тогда и ты уже не будешь просто форма.

Путь в «меня нет» очень короткий и понятен. Путь в «я есть» бесконечен, всегда неизвестен, он словно путешествие в разные миры, через пустоту, через ничто. В разных мирах я есть разные качества, разные состояния, разные энергии.

Есть лишь одна стабильность – Бог. Он всегда меняется, но всегда остается собой.

Исчезла патологическая зависимость от людей. Правда теперь мне и люди-то не очень нужны...

Физической дистанции недостаточно, чтобы почувствовать себя саму.

Можешь делать или не делать, это вообще все равно...

Создала стандарты и почувствовала себя молодцом.

Ригидность и косность, как нож в голове, зарубает креативность и творчество.

Надо просто всех уравнивать, и тогда будет легче оценивать и проверять.

Уверенность, что я права во всем и всегда висит браслетами с цепями на ногах.

Я могу быть неправа, но уверена в своих силах.

Даже если кто-то не сумел оценить мои работы, то они не теряют своей ценности.

Когда прислушиваешься к внешнему, но не принимаешь за истину.

На месте стоишь – плесенью покроешься, пойдешь слишком быстро – обгрызут-обкусуют...

Даже мать Иисуса не всегда была спокойна... Ты живая, ты чувствующая, ты не святая...

Эмоции не противоречат осознанию, горевать – не значит не выносить уроков.

Я не могу сейчас помочь тебе, но я верю в тебя.

Я понимаю, что должна взрослеть, но могу сделать это насильно.

Нельзя носить жизнь и бояться жизни...

Надо научиться дышать, если не дышишь, не может быть жизни.

Страх, как каска с проводками из звуков, не слышу себя...

Какое спокойствие?! Мы – космические пираты!

Радость, она живая!

Торжество жизни – это когда ты счастлив и можешь делиться. Я могу быть этим торжеством!

Желание пострадать накрывает, как наваждение.

Чем больше ревнуешь, тем больше хочется вырваться.

Когда основы рушатся, ничего не имеет ценности.

Тот, кто мог бы спасти, отдыхает... и страх поглощает...

почувствуй связь с Высшим.

Я не могу принадлежать тебе одному, я люблю весь Мир!

Страдать – это способ выжить.

Меня гнобили, а не любили. Только так я чувствую себя живой.

Когда завязка только на материальном и опора только на осязаемое, будет отбираться все, пока не научишься любить весь Мир.

Семья – это раковина, которая тащит всю семью.

Когда фокус смещается на ближнее, теряю связь с Миром.

А что я потеряю, встав на сторону жизни?!

Что делать, если ты не создана для семьи, и твои задачи шире?

Не будет спокойно, если ты додавишь и уговоришь.

Я вкладываю много сил, а меня методично уничтожают.

Нет ошибок, но есть право их делать.

Может, я уже сделала все свои ошибки, но мне не стыдно за свою работу.

Я такая маленькая, и добралась до Бога!

Когда робеешь от высокопоставленной особы, общайся от сердца к сердцу.

Я – часть процесса созидания!

Мужская поддержка – молчаливая.

Так или иначе, я стою на ногах, у меня есть собственные силы, чтобы не превратиться в человека, который не имеет своих сил.

Все укладывается и развивается самостоятельно...

Всю бы жизнь идти бок о бок с Богом, а у меня гордыня...

Душа знает, зачем я здесь, а личность не помнит.

Где бы научиться смелости, когда сделать выбор так страшно?

Когда Бог улыбнулся... не так сильно давит, не так сильно темно, есть надежда, что тебя ждут и все будет хорошо.

Переключение с фокуса ситуации на более широкое понимание жизни уводит от заикленности и отключает от рамок.

Улыбка Бога дает много нежности.

Мне нравится сидеть на подоконнике, есть место, куда я могу прийти проживать свои ситуации.

Когда дети играют, они ничего не делают по злему умыслу, ничего страшного.

Я почувствовала зыбкость своего очаровательного мира.

Все для того, чтобы научиться проживать с Богом мои трудности.

Я дышу Твоей улыбкой и на все воля Твоя!

В чем же суть проблемы? Может, я?

Только я могу решить, что я лучше, сильнее, качественнее душевно.

Как смогла, так и сделала, есть опыт сейчас, а тогда была молодой.

Стоит ли на кого-то смотреть или жить своей жизнью и головой?

Убеждение это вбито, выжжено и мигает красным огнем, словно деревяшка, прибитая к голове большим гвоздем, загнутым с обратной стороны, чтобы не вырвали...

Когда нерушимый памятник себе «ты сама все должна» превращается в зеленый сквер «не бойся просить помощи» и принципы «жизнь в удовольствие» и «не бойся менять жизнь», то ощущение «я живу и мучаюсь» превращается в «я живу и радуюсь».

Нет сил противостоять конфликту, манипуляции... трудно, не готова к конфликту.

Море-суп-месиво долга, суеты, «надо», «ну как же»...

Когда честен с собой, действительность звучит.

Ты не можешь любить через жертву.

Любви нет, если нет тебя.

Тогда становятся невозможны манипуляции любовью «если ты меня любишь, то сделаешь/не сделаешь это или то»

Когда дети - часть твоей жизни, ее обогащение, а не обуза, то и ты уже не просто обслуживаешь их жизни.

Сижу, обвешанная детьми, жду, когда эта скотина нагуляется.

Когда я его увидела, мой внутренний мужчина исчез, а женщина затрепетала: «Как бы не описаться!»

Побаиваюсь своей эмоциональности, чувствую свою слабость и некомпетентность.

Сколько мне лет? Когда я начну реагировать нормально?

Когда между нами нет преград, возможны объятия.

Вот Вы ухватили самую суть)

Эти фразы рождаются именно после перепроживания ситуации в новом ключе. Только после этого перепроживания они (фразы) становятся возможными, и остаются с человеком, как новый смысл, принцип. После того, как человек прожил новую реальность в процессе и прочувствовал эти фразы, как часть своей жизни, их суть становится частью настоящей реальности человека.

То есть процесс не превращает жестокие ситуации в сказочные, но дает возможность увидеть их скрытые смыслы и увидеть новые возможности, а затем эти возможности реализовать в настоящем. Примирение с прошлым интегрирует человека, он помнит свое прошлое, но уже как опыт, а не как тяжкую травму и непосильную ношу.

В процессе смысл западает глубоко, иногда помогает перестроить систему жизненных принципов и ценностей. Просто сказанные они тоже хороши, но преодолеть слой твердых убеждений (зачастую противоречащих здравому смыслу) не всегда могут.

Хотя сейчас веду в сетях рубрику "Опыт - это?" Там собираю подобные фразы, сильные инсайты, размышления без указания на личность клиента. И эти отрывки находят отклик у других людей, заставляет задуматься, поварить, примерить на себя и тд.

Пригласили, накормили, теперь секс.

Чувству долга все равно, ему бы только не выделяться.

Так хочется, чтобы понимали и принимали, а все только и хотят надавить на меня и переделать, починить во мне что-то.

Я вовсе не хочу давить на нее, я только хочу, чтобы она сама изменилась так, как я хочу.

Изменения - не испытание на прочность. Жизнь полна изменений, и эти изменения нужно учиться принимать.

Нет смысла манипулировать, ведь ты ничего не должна, ты можешь выбирать.

Равнодушие - это черная большая клякса.

По невнимательности все пошло под откос.

Хорошо бы стать карандашом, тогда можно будет меняться и менять написанное. Неправильное можно будет стереть, а нужное добавить. Хорошо быть карандашом, он нужный, хоть и простой.

Слушай себя, не раздражайся по мелочам.

Я стала главная для своих чувств.

Корона была очень довольна, ведь ее надели на хорошего человека.

Когда в жизни все со звоном рушится и земля уходит из-под ног, а Мир упорно твердит, что любит и нет другого света в конце тоннеля, кроме любви:)

Когда раздражаюсь и злюсь, всплывают мамины глаза...

Сильное неудовлетворение, как кость в горле.

Ненависть, словно бомба с фитильком, ей так хочется взорваться и спокойно дышать.

Разочаровалась и потеряла звенящую легкость.

Бог пролетел цветочным ветром.

Теперь боль не заполняет собой все пространство и не диктует, как жить.

Я ухожу, остаться было бы нечестно.

Когда-нибудь он сможет наряду с легкостью заглянуть вглубь.

В жизни может быть что-то неидеальное, это лишь повод стать терпимее.

Я так счастлив и доволен, в груди порхает птичка.

Когда зажал в себе чувство, оставил для себя, чтобы не обидеться, а стал обидчивее и замкнутее.

Страх будущего стягивает голову, как же страшно жить!

Иду, опираюсь, боюсь, но иду... Сердце колотится, ноги идут.

Почему в моей жизни так тесно дружат праздники и унижение?

Нервничаю, потому что страшно, и страшно, потому что нервничаю.

Когда есть убеждение, что с этим человеком я никогда не получу то, что мне нужно, то что бы он ни сделал, все не то...

В моей войне с Богом я воюю и я проигрываю...

Когда мне причиняют боль, я отвлекаюсь от Бога, так страшно не отвлекаться...

Когда пространство звучит, в голове свет, в сердце любовь.

Как же научиться отстаивать свое, не посягая на чужое?

Когда становлюсь «овцой», мои слабые места – мои дети.

Я безотказная, всегда в состоянии жертвы.

А может я сама себя тираню?

Мой помощник – это выдуманная мною немая мама. Теплая, веселая, жизнерадостная, легкая, подталкивает к мечтам, настраивает на позитив.

Липкая субстанция страха защищает и предотвращает нечто более страшное.

Не бойся жить, не трусь не по тому пути пойти и совершить ошибки.

Жить ведь должно быть просто, порешала задачки, поле-

чилась у доктора, и живи-радуйся тихо и мирно.

Когда действия компенсируют желания... Всю жизнь я думала, что много потребляю, и ничего не отдаю. По факту же всю жизнь отдавала разрушительно для себя. И только сейчас поняла, что всю жизнь мечтала ничего не делать.

Я медленная, я – слон, а миру нужны хорьки.

Черепашам не угнаться за лошадьми, и от этого обиднее быть черепахой.

Мне не нравится, как все, но я понимаю, что я – часть этих всех. Хочу быть индивидуальностью, но именно себя я не принимаю.

Все, что я делаю, влияет на всех, а за что же я несу ответственность?

Что такое взрослость? Это осознанное движение. Что такое движение? Это жизнь. Что такое жизнь? Это подарок Бога.

Если есть тело, есть и Дух.

Когда трудно переключиться, может просто хочется побыть в этом?

Что такое невнимательность? Погруженность или зависимость?

Что уводит меня в виртуальный мир?

Не хочу я заниматься не моими делами!

Когда перфекционизм привязывает к результату, то проще идти проторенной дорогой.

Иногда так вырубают в детство, и не хочется взрослеть.

Если быть взрослым, то надо уничтожить ребенка.

Выбрать важное трудно. Это сердит, печалит, разочаровывает.

Возложенные на сына надежды и мамино обожание лишили его жизни.

Желание обладать своим сыном, как защита от тягот жизни.

Бойся неопределенности, может прилететь откуда угодно.

В будущем может быть много интересного, сделай что-нибудь!

Ты можешь выбрать, чем наполнить свою жизнь: скорбью и печалью или радостью и благодатью.

Мироздание текучее и незблемое среди тысячелетий.

Хочу иметь силу сделать так, чтобы всем было хорошо.

Чтобы сила проявлялась с мудростью, а энергия с осознанием.

Мирозданье, я хочу дружить с тобой!

Каждая клеточка – это часть Земли! Каждая клеточка души – это часть Неба! Они соединились вместе в уникальности человека, источая гармонию, красоту, мудрость!

Хорошо спасать людей – так я думала...

Я – спасатель, и в сердце пламенный мотор!

В иллюзии, что миссию назначил Бог.

Бросил любимый, стану женой миссионера.

Жизнь превратилась в отчаянное спасение мудаков.

Спасательство – это не великодушие.

Сыну 23, а я только начала познавать радость материнства.

Почему я всегда выбираю алкашей? У них есть безответственность, не надо ничего делать, свобода, глубина внутреннего мира... Я тоже очень этого хочу, но тащу на себе всю их свободу.

В детстве мысль о том, что у меня когда-то будет мужчина, вызывала сильный страх, что я буду для них все делать и страдать до конца... Так и случилось, все делаю, страдаю, только мужа нет.

Не могу ничего для себя делать, боюсь, что снова завладеет мной какая-нибудь ху@ня.

Сейчас у меня нет притязаний, и жизнь не крутиться вокруг денег.

Если бы я умела давать право другим быть другими, моя жизнь была бы другой. Я была бы свободна для жизни.

Бессознательное, как возможность. Сознательное, как намерение.

Пока есть унижения – есть гордыня. Когда доступно смирение – унижения не нужны.

Я всюду ищу оборонительную позицию, весь мир против меня.

Нежелание общаться не значит не общаться.

Вам предстоит много пережить хорошего...

Воля детям вредна или полезна?

Когда я чему-то учусь у кого-то, то быстро впадаю в состояние «Он -небожитель, я – дурак из дураков».

Мое «да» ничего не значит, если у меня нет «нет».

Продала свои идеи за полкило слив.

Почему мое собственное одобрение мне не ценно? Я готова им пожертвовать ради одобрения другого. Мое одобрение меньше весит, чем осуждение другого?

Пустое пространство внутри клетки словно насмехается, чувствуя свободу и превосходство.

«Я лучше знаю, как тебе хорошо» в противовес «Будь таким, каким хочешь, делай, как чувствуешь правильным».

Будь тем, кем ты хочешь. Не спеши никуда, не бросайся на первое попавшееся и помни, что если что-то пойдет не так, все можно изменить.

Общение становится приятным, когда оно открытое, с же-

ланием понять чувства, а не просто контролировать.

Жизнь – легкая, если к ней так относиться. В жизни есть много шансов, много людей, которые могут понять. С улыбкой жизнь воспринимается легче.

Когда берешь на себя результат (будь, что будет - функция Бога), то очень тяжело делать что должно.

Когда хочется все оставить и бросить, то брось результат Богу. Делай, что должно, и будь, что будет.

Решение и выбор – разные вещи.

В детстве сказали, что так делать нехорошо, и я до сих пор плохая... А плохое надо уничтожить, поэтому мой выбор часто ведет в сторону самоуничтожения.

Дико страшно, что случится что-то романтическое, а я в семье.

Как меня занесло сюда? Ведь я хочу совсем другого! Я в иллюзии и у меня потеря ориентиров.

Секс, как травма, собран, как Франкенштейн.

Я так завидую мужчине, потому что боюсь беспомощности.

Все рассыпалось, а ведь были планы.

Чувствую, как скатываюсь в его жизнь, перестала заниматься собой, ищу изменений в нем, это невозможно, ненавижу!

Наложила на себя трафарет-картинку «Я и много детей», а это не моя...

Опыт – просто опыт. Горячее – это просто горячее.

Умение принимать опыт без оценки – большое искусство.

Столкнулся со взрослой жизнью и потерял от нее удовольствие.

От Бога нам достается Дух, а от родителей тело, материя, жизненные принципы. Неразрешимый конфликт.

Если что-то горячее, но очень хочется взять, то нужно подождать или взять с помощью чего-то. Это вовсе не значит, что я плохая.

Если больно в жизни невыносимо, то может, вы до сих пор лезете в горячую кастрюлю голыми руками?

Мне больно, значит, я плохая, а значит, я сдохну. Сдохнуть можно и хорошим, но это уже герой.

Новую задачу решать страшно, потому, что я сдохну при первой неприятности.

Если я чувствую боль или кто-то другой чувствует боль, это не значит, что я – плохая.

Если я ошибаюсь, это не значит, что я – плохая.

Если я получаю опыт с болью, это не значит, что я – плохая.

Я - не плохая, потому, что это просто опыт. И опыт не всегда приходит с болью.

Так больно, когда он отдаляется, боюсь, что потеряю, и потому держу мертвой хваткой до удушения.

Я так хочу жить в счастье и радости, а убегая в скитания и несчастья.

И пусть ветры танцуют между вами. Если нет ветров, то есть измены.

Я так хочу быть с тобой, но я так привыкла бегать от тебя.

Нет никаких гарантий, все гарантии – это ложь.

Я не знаю. Как среагирую. Раньше это бесило, сейчас я – человек.

Как же Бог должен любить человека, что создал его по своему образу и подобию.

Их ждало счастье в захлеб, но он умер.

Когда он не пришел, счастье потухло.

Нас ждет абсолютное обнуление, что бы ни было.

Сначала люди относились к нему, как к дурачку, а потом наступило признание.

О чем задача моей жизни? Чувствовать себя! Чувствовать! Ничего специально не надо! Радовать себя!

Я чувствую всей своей поверхностью, каждым пальцем, каждой окружностью!

Как может быть больно от счастья?

«Сейчас» – это самое главное. В «сейчас» нет обид, нет ожиданий. «Сейчас» – ключ ко всему...

Я боюсь, что если начну вести себя так, как я хочу, то все от меня отвернутся.

Вместе с появлением чувства долга исчезла радость цветочного поля.

Как много мыслей лезут в одно отверстие!

В стремлении выстоять главное, не начать битву с жизнью.

Хорошо иметь место, где можно позволить себе жизнь.

Если мама опасна, то краски сгущаются и начинается война.

Создавать свою атмосферу – это дело выбора.

Пространство жизни создается из пространства смерти.

Атмосфера, где можно позволить себе жить идет изнутри из состояния равновесия, покоя, созерцания, расслабленности.

Нет отчаяния, которое несет боль другим.

Больно смотреть, когда твой любимый человек рассыпается и исчезает.

Я учусь быть в состоянии «себя» и принимать свою судьбу со всеми событиями.

В состоянии покоя, созерцания можно взять и понять его, любовь тогда не уходит в ненависть.

Любовь к себе – это состояние покоя, а страдание и условности – это нелюбовь к себе.

Семья – это живая структура, а не кладбищенская ограда

ДОГМ.

Все вопросы висят, я их не двигаю.

Какая объемная стала видна жизнь, аж страшно.

Голова не понимает, но советы дает.

Я словно спряталась за потоком не своей жизни, как бы иду, как бы живу.

Неохота пробовать что-то, ведь столько раз пробовала «не туда».

Ненавижу тех, кто заставляет.

«Так должно быть» - хорошее средство управления, чтобы ребенок далеко не уходил.

Она защищала сына, а соплеменники забили ее палками.

Они не похожи на людей, но какая разница? Они не побоялись пронести свою любовь в новое, неизведанное. Сумели сохранить любовь и человеческие отношения к иным. Некоторым людям стоило бы этому поучиться.

Иногда, чтобы в тебе что-то выросло, нужно оказаться или думать, что оказался на грани смерти. Для особо упрямых это урок.

Когда будешь готова, ты узнаешь без сомнения.

Утро: всех поцеловала, дети поругались.

Я хочу все и сразу, но попа для двух стульев маловата.

Все отпихивают от себя одеяло хозяйки.

Когда мысль рождается, варится, потухает и умирает в голове, ГЛАВНОЕ, вовремя остановиться!

Одни орут от восторга, других укачивает, третьи ворчат, а я всех «считываю» и удивляюсь.

Стабильность всегда псевдо, но всегда смерть, а жизнь текуча. Сегодня люблю до гроба навсегда, на 100% твоя, но завтра все может быть иначе.

Обещания – тюрьма души.

Обещания – опора, я опираюсь на тебя, стой тут, не живи, не двигайся, я же на тебя опираюсь.

Время условно, у всех разное времяощущение.

Чувство вины культивируют обидчивостью: «Ну да, конечно!»

Мой выбор для кого-то счастье, для кого-то ноша.

Мне приятно, что ты обо мне заботишься. Мне было бы приятно, что я тоже могу позаботиться о тебе.

Мне жаль, что мы тратим наши мгновения на обиды.

Для меня жизненно важно иметь отношения, а их нет. Я сама себе всё: и косметолог, и риэлтор, и врач, и психолог... Но сама себя руками не задушишь...

Я не могу контролировать выбор, я не могу контролировать чувства, я не могу контролировать поведение, и мне стыдно!

Я совсем не умею дружить, не умею давать, я – вампирюга...

В меня впечатан, записан ужас, шок, он словно вой в животе.

Я отказалась от детства, я думала, что так опасно.

Идеальное взаимодействие – это легкая игра, как пузырьрики шампанского.

Должны ли быть люди порядочными? Или это манипуляция?

Я влюбилась, и у меня появилось желание владеть этим человеком. Он не со мной, и я раздражаюсь все больше. Так, что хочется его задушить. Ведь это не соответствует тому, что я хочу.

Такое бешеное чувство любви, что я не могу с ним справиться.

Несмотря на череду уродов, я ни с кем не ругаюсь, со всеми поддерживаю хорошие отношения.

Как быть, если очень важно беседовать, делиться сокровенным, но откровенной с этим человеком быть не можешь?

Когда мне параллельно, все делаю правильно, но когда

чувства – становлюсь уязвима и косячу.

Так хочется заснуть и проснуться в Хогвартсе.

Становится неприятно от того, что все слишком гладко.

Если мы позволяем случаться счастью, оно случается. Счастье всегда внутри.

Когда неуверенность компенсируется наглостью, и вдруг предстала перед собой без прикрас... заболела.

Мой ребенок такой же, как я, я изменяюсь и он изменится... Неправда! Он – не я! И что он сделает, что выберет – мне не известно.

Когда культивируешь жертву, то забываешь, что выбор есть всегда.

Для жизни мне нужны эмоции, и я беру их из «жертвы».

Раньше было хорошо оттого, что плохо, а теперь плохо оттого, что плохо.

Когда вручаю Богу себя, то он все делает моими руками. Когда не вручаю, а делаю все сама, то тоже все делают мои руки. Но какая большая разница между этими действиями!

Непосильный труд не доводится до конца.

Меня менять, только портить. Мне надо быть такой, какая я.

Вся жизнь - какой-то трэш, сплошная борьба за жизнь.

Я слишком на многое не согласна, боюсь, что пошлёт.

Когда близости все время мало, то никто не сможет заполнить пустоту: ни родитель, ни супруг... только Бог.

Идеальный ребенок – так ли это здорово?

Мир полон горьких открытий.

Ой, как мне плохо! Да ладно, потерплю... пока не рухну...

Хочу, могу, делаю! И мама разрешила. Счастье взახлеб!

Когда решение принято бессознательно, действие наполнено тревогой.

Я не могу принять жизнь, в которой есть то, что ты хочешь, а есть то, без чего ты не можешь прожить.

Все так странно и страшно.

Она меня за муки полюбила, а я ее за сострадание к ним...

К сожалению, классикой жанра являются ситуации, в которых дети пытаются избавить родителей от их болезней, проблем, тягот судьбы. Отвергают себя, свои желания и потребности, жертвуют своими интересами, а подчас здоровьем и жизнью. «Что делать!?!», «Я должна!», «Отключись от себя и помоги!», «Сжать зубы и делать!», «Не до любви и созидания собственной жизни!».

Удастся ли им благая мысль? Увы! Никогда!

Дети могут сколько угодно пытаться взять на себя тяжкую долю любимого родителя, но этим ни в коем разе не спасают последнего от ноши, а лишь взваливают лишнее на себя. Ибо невозможно решить задачу, тебе не принадлежащую, не тебе заданную. Условия родительской задачи адекватны их силам и возможностям. Дети же не имеют доступа даже к условиям,

а уж к решениям и тем паче.

А вот следствием такой «помощи» могут быть разрушенные судьбы, искалеченные жизни и сломленные души как самих участников событий, так и их потомков.

Любите своих родителей, сочувствуйте им, сострадайте и сорадуйтесь с ними, но не осмеливайтесь замахнуться на чужую жизнь пусть даже близкого и родного человека!

Ибо не по Сеньке шапка!

Попросила я отпуск, мне его дали, я все дни напролет работаю. Выходит, я его не взяла?

Рвутся в жизнь долгосрочные проекты, а я их не вытягиваю. Получается, мне хорошо вот так лежать овощем?

Все я делаю из какого-то печального напряжения... из вынужденности.

Порой можно озлобиться оттого, что не можешь нормально сходить в туалет, нет элементарного покоя и комфорта и нет возможности жить своей жизнью.

Хочется разрушить и уничтожить, чтобы...контролировать.

Когда приобретаешь форму в чужеродной среде, то спутниками становятся тяжесть и напряжение.

Как же необходима простая мирская энергия, чтобы улыбаться довольно и поспать.

Не нужно тревожиться, все сделается. Это ли не формула счастья?

Делай, что должно и будь, что будет. Не это ли соавторство с Богом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.